ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

НЕ КОПИРОВАТЬ

ДЕМИДОВЫ

ИХЪ ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

В. В. Огаркова

Съ портретомъ Акинфія Демидова, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ГАЗ. „НОВОСТИ", ЕКАТЕРИНИНСКІЙ КАН., № 113.

1891.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр

Предисловіе . . . . . 5.

I. Петръ Великій и тульскіе кузнецы . . . . . 7.

II. Уралъ и его піонеры . . . . . 18.

III. Кузнецы-властелины Урала . . . . . 34.

IV. Увеличеніе богатствъ и власти Демидовыхъ . . . . . 48.

V. Въ погоню за золотомъ . . . . . 58.

VI. Не въ отцовъ дѣти . . . . . 71.

VII. Демидовы-европейцы . . . . . 80.

ИСТОЧНИКИ.

1. Жизнеописаніе Акинфія Никитича Демидова, основателя многихъ заводовъ на Уралѣ, составленное *Григоріемъ Спасскимъ*.

2. Родъ дворянъ Демидовыхъ. *К. Головщикова.*

3. Историческіе очерки и разсказы. *С. Н. Шубинскаго.*

4. Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи—*Е. П. Карновича.*

5. Брошюра: «Памяти П. П. Демидова-князя Санъ-Донато».

6. Историческое описаніе горныхъ дѣлъ въ Россіи. *Дерябина.*

7. Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. *В. И. Семевскаго.*

8. Историческое сбозрѣніе Колывано-Воскресенскихъ заводовъ *Германа.*

9. Географическій и историко-статистическій словарь пермской губерніи. *Н. Чупина.*

10. Сборникъ статей, относящихся къ пермской губерніи—*Его-же.*

11. Дѣянія Петра Великаго.—*Голикова.*

12. Брошюра: «Въ память столѣтняго юбилея с.-петербургскаго коммерческаго училища». *И. Комарова.*

13. Журналы: «Русскій Архивъ», «Русская Старина», «Историческій Вѣстникъ», «Горный журналъ» (статьи: *В. Рожкова*, *Н. Чупина* и пр.), «Вѣстникъ Европы» (статья *В. И. Семевскаго*) и мн. др.

14. Газеты: «Ярославскія Губернскія Вѣдомости», «Пермскія Губернскія Вѣдомости» и др.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Фамилія Демидовыхъ пользуется громкою извѣстностью. Быстрое возвышеніе, громадное богатство, широкая благотворительность и большія услуги, оказанныя представителями этой фамиліи русскому горному дѣлу, а также крайне оригинальные поступки и чудачества нѣкоторыхъ изъ Демидовыхъ—обращали на себя вниманіе не только у насъ, въ Россіи, но и за-границею.

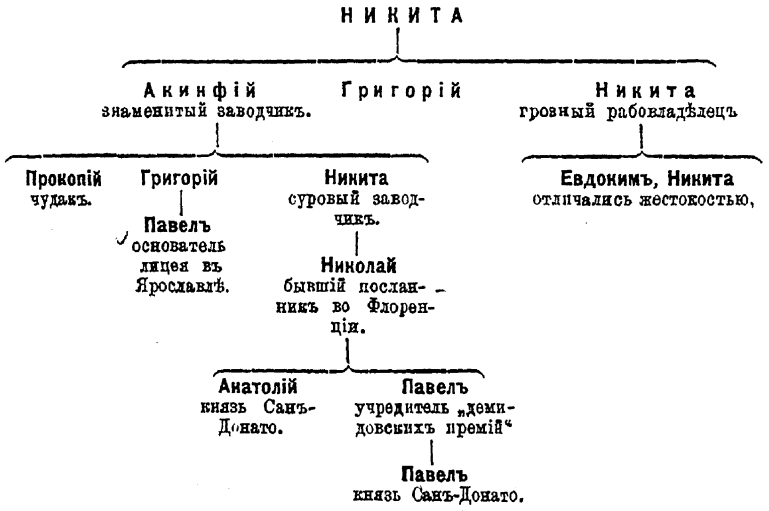
Самыми интересными лицами изъ фамиліи Демидовыхъ являются безспорно ея родоначальники—тульскіе кузнецы Никита и сынъ его Акинфій, дѣятельности которыхъ главнымъ образомъ и посвящается наше изслѣдованіе. Эта дѣятельность, какъ по характеру первыхъ Демидовыхъ, упрочившихъ горное дѣло въ Россіи и основавшихъ много новыхъ производствъ, такъ и по особенностямъ петровской эпохи, представляетъ огромный интересъ. Съ уральскаго періода жизни тульскихъ кузнецовъ, съ которымъ собственно и связана ихъ слава и историческое значеніе, все наше вниманіе приковываетъ выступающая на первый планъ личность старшаго сына Никиты—Акинфія, между тѣмъ какъ два младшихъ сына перваго Демидова не оставили особенныхъ слѣдовъ въ исторіи горнаго дѣла на Руси. Акинфію, распоряжавшемуся всѣмъ отъ своего имени и отъ имени отца, Уралъ и Сибирь обязаны устройствомъ многочисленныхъ заводовъ и рудниковъ, а потомки своими громадными богатствами.

Хотя и другіе представители рода Демидовыхъ могутъ занимать изслѣдователя въ томъ или другомъ отношеніи—какъ основатели заводовъ, какъ господа своихъ крѣпостныхъ, какъ богачи, не знавшіе, куда дѣвать достав-

шееся имъ гигантское наслѣдство, или наконецъ какъ „чудаки“,—въ связи съ интересными общественными отношеніями эпохъ, въ которыя имъ приходилось жить и дѣйствовать,—но мы, по самымъ размѣрамъ нашего труда, должны остановиться только на наиболѣе характерныхъ портретахъ изъ галереи потомковъ тульскихъ кузнецовъ, породнившихся, въ лицѣ Анатолія князя Санъ-Донато, съ династіею Бонапартовъ.

РОДОСЛОВНАЯ ДЕМИДОВЫХЪ,

О КОТОРЫХЪ УПОМИНАЕТСЯ ВЪ НАШЕМЪ ОЧЕРКѢ.

ГЛАВА I.

Петръ Великій и тульскіе кузнецы.

Петровская эпоха.—Титанъ-царь и бѣдная Русь.—Горное дѣло на Руси до Петра.—Основаніе перваго желѣзнаго завода.—Заботы Петра о горномъ дѣлѣ.—Роль «случайныхъ» людей въ исторіи.—Никита и Акинфій Демидовы.—Дѣтство и воспитаніе ихъ.—Встрѣча съ Петромъ.—Первыя ружья.—Заводъ въ Тулѣ.—Успѣхи Никиты.—Благоволеніе царя.

Немного найдется такихъ интересныхъ эпохъ во всемірной исторіи, какъ петровское время на Руси. Съ одной стороны, титаническая личность Петра, его непреклонная воля, могучая энергія и самые фантастическіе планы обновленія Россіи, съ другой,—эта бѣдная, не-культурная страна, затерявшаяся среди болотъ и топей, измученная татарскимъ гнетомъ, „собираніемъ“ Москвы, эпохою междуцарствія и недавно миновавшею „разинщиною“,—представляли въ своемъ родѣ единственный контрастъ. Для историка-философа, защищающаго классическій принципъ „дѣланія“ исторіи только героями, т. е. лицами, одаренными титаническими свойствами, это время, когда могучая воля царя, казалось, рѣшительно двинула коснѣвшій въ невѣжествѣ народъ на путь европейскаго просвѣщенія, представляетъ великолѣпный аргументъ въ пользу его теоріи. Но и для историка-соціолога, представителя боклевскаго взгляда на исторію, эпоха Петра I дастъ не мало матеріаловъ въ защиту совсѣмъ иного положенія, что въ стихійно вѣками слагавшейся жизни массъ, какъ въ безграничномъ морѣ, можетъ исчезнуть или оставить лишь незначительные слѣды энергія личности, будь эта личность даже геніемъ.

И дѣйствительно, титанъ-царь напрасно будилъ бѣдную и больную страну пинками и дубинкой: въ ней было еще слишкомъ мало силъ для принятія новыхъ вѣяній, она еще не управилась отъ прежнихъ заботъ. И это единственное, кажется, въ міровой исторіи зрѣлище,—насажденіе европейской цивилизаціи въ полудикомъ народѣ, которымъ были тогдашніе русскіе, при помощи пытокъ застѣнка и казней,—не могло, конечно, сопровождаться лишь одними плодотворными результатами. Въ мукахъ петровскаго переворота, выкупавшись въ крови стрѣлецкихъ казней и безпощадно подавленныхъ бунтовъ, послѣ судорогъ сверхъ-естественныхъ усилій, Русь не обновилась вполнѣ, какъ желалъ того геній Петра, и не набралась настолько силъ, чтобъ вѣрнымъ шагомъ идти къ намѣченной преобразователемъ цѣли. Если-же Петръ былъ необходимымъ орудіемъ историческаго процесса и первый рѣшительно пріобщилъ Русь къ европейскому просвѣщенію, то, съ другой стороны, по мнѣнію славянофиловъ, тѣ нечеловѣческія усилія, которыя требовались отъ утомленной страны, та регламентація, на-перекоръ вѣками сложившемуся строю, даже мельчайшихъ проявленій общественной и частной жизни на западный ладъ,—регламентація, поддерживаемая угрозами строгихъ наказаній, какъ-бы надорвали силы государства и, можетъ быть, даже, что реформы Петра, требовавшія такой необычайной затраты неокрѣпшихъ народныхъ силъ, сдѣлали то, что, спустя двѣсти лѣтъ послѣ него, мы являемся, попрежнему, отсталымъ народомъ и далеки еще до полнаго осуществленія желаній царя-работника, прорубившаго могучею рукою окно въ Европу. Такъ организмъ, измученный „переутомленіемъ“ и муштровкою въ дѣтствѣ, является въ умственномъ отношеніи мало производительнымъ въ эпоху зрѣлости.

Обширная дѣятельность предстояла Петру при вступленіи на царство. Его изумительной энергіи приходилось разбрасываться и поспѣвать всюду. Пылкій юноша, ставшій потомъ фанатикомъ идеи немедленнаго пересозданія Россіи,

онъ, во время путешествія по Европѣ, знакомится съ хорошими порядками, благоустройствомъ, съ великими произведеніями наукъ и искусствъ, и на своей родинѣ находитъ лишь бѣдность и невѣжество. На необъятномъ пространствѣ своего отечества онъ встрѣчаетъ рѣдко разбросанные города съ деревянными постройками, похожіе на деревни, и бѣдныя села. Болота, лѣса, степи,—не заселенныя, плохо воздѣланныя,—вотъ его родина. Нѣтъ ни школъ, ни памятниковъ искусства, ни хорошаго войска и флота, ни заводовъ и фабрикъ, ни даже хорошихъ ремесленниковъ. И фанатической идеѣ обновленія этого вѣками сложившагося быта и преобразованія его въ благоустроенное государство приносятся гекатомбы человѣческихъ жертвъ, и, во славу будущаго, въ шведской и турецкой войнахъ, при постройкѣ новой столицы у самаго моря, при устройствѣ многочисленныхъ крѣпостей, городовъ и верфей гибнутъ сотни тысячъ „пушечнаго мяса“.

Горное дѣло на Руси было въ такомъ-же печальномъ положеніи, какъ и другія отрасли государственнаго хозяйства, и Петру вскорѣ пришлось почувствовать всѣ неудобства этого. Являясь, по количеству и качеству полезныхъ ископаемыхъ, одною изъ самыхъ богатѣйшихъ странъ въ мірѣ, если не самою богатою, Русь въ то-же время едва-ли не бѣднѣйшее государство по предпріимчивости и пріемамъ для разработки горныхъ богатствъ. И, понятно, при Петрѣ I это несоотвѣтствіе, плохо рекомендующее культуру страны, являлось еще въ болѣе рѣзкихъ формахъ.

Первыя свѣдѣнія о горномъ дѣлѣ въ Россіи имѣются изъ эпохи Іоанна III, когда, по свидѣтельству Карамзина, въ бассейнѣ р. Печоры были открыты серебряныя и мѣдныя руды. Затѣмъ въ 1571 году Иванъ Васильевичъ Грозный просилъ шведскаго короля, чтобы тотъ уступилъ ему рудное мѣсторожденіе близъ границы, но чѣмъ кончилось это ходатайство—неизвѣстно. Первый заводъ для выдѣлки желѣза былъ построенъ правительствомъ во время Михаила Ѳеодоровича, въ 1628 году,

въ нынѣшней тобольской губерніи,—Ницынскій. Но конечно слово „заводъ“,—если понимать его въ нынѣшнемъ значеніи, когда подъ этимъ именемъ разумѣютъ громадныя устройства, стоющія сотни тысячъ и даже милліоны,—слишкомъ громко для простой кузницы, которою въ сущности являлся вышеуказанный заводъ и въ которомъ изготовлялось въ небольшихъ количествахъ плохое желѣзо. Подобныя кузницы, но только меньшихъ размѣровъ, издавна впрочемъ были извѣстны въ Россіи; въ нихъ получалось желѣзо прямо изъ желѣзныхъ рудъ, въ небольшихъ особеннаго устройства печахъ. Это, такъ сказать, „кустарное“ производство металла было настолько незначительно, что далеко не удовлетворяло потребностей въ немъ, и до XVI вѣка наша родина въ значительной степени пользовалась привознымъ желѣзомъ.

Болѣе опредѣленныя указанія на появленіе у насъ сравнительно большихъ заводскихъ устройствъ, далекихъ однако по своимъ размѣрамъ и средствамъ отъ громадныхъ заводовъ современнаго промышленнаго типа, относятся только къ концу XVII столѣтія. Впрочемъ, какъ „кустарное“ производство, такъ и вновь устроенные заводы обрабатывали только самый прозаическій, но тѣмъ не менѣе самый необходимый металлъ—желѣзо. Что-же касается до полученія и обработки болѣе „благородныхъ“ металловъ, то эта область у насъ была въ то время почти невѣдомою. Хотя всевозможныя руды лежали чуть не на поверхности почвы, но недостатокъ предпріимчивости, капитала и знанія, а также весь строй тогдашней общественной жизни не позволяли ими пользоваться. Даже Уральская горная цѣпь, протянувшаяся на 700 верстъ въ длину и 150 въ ширину и заключающая въ своихъ нѣдрахъ неисчерпаемыя минеральныя богатства, оставалась дѣвственною до самой середины XVII столѣтія, когда на Уралѣ былъ построенъ первый чугунно-плавильный и желѣзодѣлательный заводъ—Пыскорскій (1640 г.). Вообще говоря, горное дѣло на Руси

даже при Алексѣѣ Михайловичѣ представляло только попытку или случайный промыселъ и притомъ въ самыхъ бѣдныхъ размѣрахъ. Только уже къ концу XVII вѣка правительство, нуждаясь въ желѣзѣ, построило на Уралѣ еще нѣсколько плохихъ заводовъ.

И въ такомъ младенческомъ состояніи было горное дѣло у насъ въ то время, когда оно за собою имѣло въ Европѣ цѣлыя столѣтія. По-неволѣ приходилось металлы привозить изъ за-границы и даже желѣзо и сталь русскіе чуть не до конца XVII вѣка не переставали получать изъ Швеціи (свейское желѣзо), что представляло большія неудобства, особенно во время войны съ этимъ государствомъ, когда эти металлы значительно поднимались въ цѣнѣ и провозъ ихъ чрезъ границу затруднялся.

Петръ I, въ своей борьбѣ со Швеціей, испытывалъ большой недостатокъ въ металлахъ: извѣстно, что онъ переливалъ даже церковные колокола на пушки, чѣмъ не мало способствовалъ утвержденію за собой въ народѣ названія „антихриста“. Царь по-неволѣ долженъ былъ обратить вниманіе на горное дѣло, получившее для него такую большую важность. Пришлось конечно и здѣсь обратиться къ Европѣ. Не разсчитывая на доморощенныя знанія и предпріимчивость, Петръ выписалъ изъ за-границы „рудознатныхъ“ мастеровъ и спеціалистовъ по горнозаводскому дѣлу. Въ числѣ ихъ былъ и знаменитый Геннинъ—основатель заводскаго дѣла въ олонецкомъ краѣ, работавшій и на Уралѣ,—человѣкъ большой энергіи и знанія.

Но „случайная“ встрѣча Петра съ Демидовымъ поставила вопросъ о горномъ дѣлѣ на иную почву: она дала толчекъ частной предпріимчивости и послужила причиною къ основанію и развитію,—правда, на счетъ государства и путемъ большихъ жертвъ,—многихъ заводовъ въ Россіи.

„Случайныя“ встрѣчи и „случайные“ люди играли большую роль въ р[illegible] исторіи, какъ впрочемъ и въ исторіи другихъ ма[illegible] культурныхъ народовъ. Извѣстно,

что и при Петрѣ I были эти „случайные“ люди: „безродный баловень счастья“, могущественный князь Меньшиковъ, человѣкъ корыстолюбивый и жестокій, но громадныхъ способностей, былъ, какъ извѣстно, возвышенъ изъ пирожниковъ; Шафировъ и нѣкоторые другіе сподвижники царя были людьми низкаго званія. Но между „случайными людьми“ при Петрѣ I и такими-же, напримѣръ, въ царствованіе Екатерины II—была существенная разница. Между тѣмъ какъ петровскіе любимцы рѣдко не оправдывали своими способностями довѣрія царя и, въ случаѣ проступковъ, многіе изъ нихъ получали суровое возмездіе,—при Екатеринѣ II въ вершители судебъ государства попадали люди совершенно ничтожные въ умственномъ отношеніи, и послабленія государыни дѣлали ихъ безнравственныя качества особенно вредными государству.

Такими „случайными“ способными людьми при Петрѣ были и оказавшіе громадныя услуги горному дѣлу въ Россіи два тульскихъ кузнеца, Никита и сынъ его Акинфій Антуфьевы — родоначальники знаменитой горнозаводской „династіи“ Демидовыхъ, близкіе потомки которыхъ были извѣстны всей Европѣ по своему громадному богатству, мотовству и чудачествамъ. Правнукъ тульскаго кузнеца Акинфія, „великолѣпный“ князь Санъ-Донато, Анатолій, былъ женатъ на родной племянницѣ Наполеона I графинѣ Матильдѣ-де-Монфоръ. Исторія Демидовыхъ, начинающаяся грубымъ кузнецомъ, работавшимъ у хозяина за алтынъ въ недѣлю, и кончающаяся князьями Санъ-Донато, обладателями милліонныхъ доходовъ, собственниками неоцѣнимыхъ коллекцій художественныхъ предметовъ и владѣльцами роскошнаго помѣстья Медичисовъ-Прàтолино, — могла-бы быть интереснымъ сюжетомъ для какой-нибудь романтической легенды или фантастической сказки.

О дѣтствѣ Никиты (родился въ 1656 г.) и Акинфія (родился въ 1678 г.) Демидовыхъ мы не имѣемъ свѣдѣній: исторія застаетъ ихъ уже взрослыми людьми.

Мы знаемъ только, что отецъ Никиты, Демидъ Григорьевичъ Антуфьевъ, былъ крестьянинъ деревни Павшиной, около Тулы, и переселился въ городъ для занятія кузнечною работою; извѣстно еще, что Никита остался малолѣтнимъ послѣ отца и очень любилъ свою старую мать, которой, по разсказу Бантыша-Каменскаго, послалъ первые 5 алтынъ, заработанные въ Тулѣ,—за то, что „поила и кормила его“. Но мы можемъ предполагать, что дѣтство будущихъ богачей прошло въ суровыхъ лишеніяхъ и тяжеломъ трудѣ, такъ какъ только при подобныхъ обстоятельствахъ могли выработаться такой могучій характеръ и та энергія въ преслѣдованіи разъ намѣченной цѣли, какіе мы встрѣчаемъ у Акинфія.

Въ ту эпоху, когда начали свою дѣятельность первые Демидовы, ни въ общественную жизнь, ни въ рѣдкія на ту пору на Руси школы не проникали тѣ начала гуманности, которыя составляютъ достояніе послѣдняго времени и осуществятся вполнѣ, можетъ быть, только въ далекомъ будущемъ. Это былъ вѣкъ жестокихъ нравовъ, суровыхъ характеровъ и безпощаднаго отношенія къ тѣмъ, кто считался виновнымъ и не могъ спастись „протекціею“. Самымъ яркимъ воплощеніемъ этихъ свойствъ эпохи является величаво-ужасная въ своихъ проявленіяхъ личность Петра. Многочисленные процессы по „слову и дѣлу“ показываютъ, до чего тогда мало цѣнилась жизнь человѣка и какими средствами каралась его „злая воля“. И намъ теперь кажутся даже невѣроятными эти случаи, когда люди, зная, что ихъ ждетъ, и какъ-бы презирая физическія страданія, все-таки кричали страшное „слово и дѣло“. Застѣнки лютаго преображенскаго приказа, гдѣ дѣйствовали такіе люди, какъ князь Ромодановскій и впослѣдствіи Андрей Ивановичъ Ушаковъ,—были слишкомъ плохою школою для развитія гуманныхъ чувствъ. Понятно, что и первые Демидовы были плотью отъ плоти и костью отъ костей тогдашняго общества. По крайней мѣрѣ, какъ мы увидимъ

впослѣдствіи, такими рисуютъ ихъ имѣющіяся у насъ данныя.

Былъ-ли грамотенъ Никита Демидовъ—на этотъ счетъ не имѣется точныхъ указаній: при дачѣ свѣдѣній о количествѣ имѣющагося у него желѣза извѣстному Василію Никитичу Татищеву и въ другихъ случаяхъ, онъ приказывалъ росписываться за себя своимъ приказчикамъ и сыну Акинфію. Существуютъ однако указанія и на то, что онъ могъ, съ грѣхомъ пополамъ, читать и писать. Что-же касается Акинфія, то онъ получилъ все то образованіе, которое могла ему дать тульская школа того времени: онъ умѣлъ читать и писать по-церковному, и долго у него еще и впослѣдствіи, когда демидовскіе заводы производили уже продуктовъ ежегодно на сотни тысячъ рублей,—сумма громадная для того времени,—всѣ записи въ торговыхъ и заводскихъ книгахъ велись церковно-славянскими литерами. Не забудемъ впрочемъ того, что грамота составляла удѣлъ немногихъ въ тогдашней Руси: даже знаменитые члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, какъ это видно изъ подлинныхъ документовъ, съ трудомъ выводили неуклюжими буквами свои подписи на бумагахъ. Если и плохо было образованіе первыхъ Демидовыхъ, какъ и большинства обитателей Россіи въ то время, зато у нихъ была та природная смѣтливость, которою отличаются многіе русскіе люди, способность къ труду, энергія и техническая сноровка, пріобрѣтенная личною работою въ мастерскихъ.

Относительно того, какимъ образомъ Никита сдѣлался извѣстенъ Петру, существуетъ нѣсколько разсказовъ. По одному изъ нихъ, наиболѣе достовѣрному, Никита, во время проѣзда черезъ Тулу какого-то изъ петровскихъ вельможъ (вѣроятно, Шафирова), не только исправилъ путешественнику испортившійся пистолетъ знаменитаго оружейника Кухенрейтера, но и сдѣлалъ другой по тому-же образцу, нисколько не уступавшій оригиналу. Шафировъ тогда-же обратилъ вниманіе царя

на сѣтливаго тульскаго оружейника. Петръ, проѣзжая черезъ Тулу изъ Воронежа въ 1696 году, хотѣлъ заказать нѣсколько алебардъ по иностранному образцу, и на вызовъ его явился только одинъ Никита. При этомъ, по преданію, произошла слѣдующая сцена. Царь, плѣненный ростомъ, силою и статностью красиваго кузнеца, сказалъ, обращаясь къ окружающимъ:

— Вотъ молодецъ! Годится въ преображенскій полкъ, въ гренадеры!

Солдатчина тогда въ глазахъ народа была однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ наказаній и немудрено, что Никита повалился въ ноги грозному царю и сталъ просить, ради престарѣлой матери, помиловать его.

— Если такихъ 300 алебардъ сдѣлаешь, то помилую, сказалъ Петръ.

Кузнецъ исполнилъ работу вдвое скорѣе, чѣмъ назначилъ царь, и получилъ за нее тройныя деньги отъ Петра, умѣвшаго быть и милостивымъ.

Существуетъ нѣсколько варіантовъ разсказа о первой встрѣчѣ Петра I съ Демидовымъ; но здѣсь ихъ всѣ приводить нѣтъ надобности. Какъ о всякихъ событіяхъ, гдѣ принимаютъ участіе крупныя личности,—и около этой встрѣчи знаменитаго кузнеца со знаменитымъ царемъ существуетъ цѣлый кругъ легендарныхъ сказаній. Вотъ одно изъ нихъ, по которому уже не Шафировъ, а самъ Петръ отдалъ Никитѣ для починки испортившійся пистолетъ работы Кухенрейтера. Когда кузнецъ исправилъ его и принесъ къ царю, то послѣдній обратилъ вниманіе на великолѣпную работу и жалѣлъ, что у него нѣтъ мастеровъ, чтобы дѣлать такое оружіе.

— И мы, царь, противъ нѣмца постоимъ! сказалъ Никита.

Царь уже не разъ слышалъ эти ненавистныя слова,— это „закидаемъ шапками!“ — отъ своихъ московскихъ бояръ, къ тому-же онъ выпилъ анисовки, и его ретивое не стерпѣло: онъ ударилъ въ лицо Демидова и закричалъ:

— Ты, дуракъ, сначала сдѣлай, а потомъ хвались!

— А ты, царь, сначала узнай, а потомъ дерись! отвѣтилъ Никита и подалъ Петру сдѣланный имъ новый пистолетъ, нисколько не уступавшій по работѣ заграничному. Горячій царь смилостивился и извинился передъ кузнецомъ.

Какъ-бы то ни было, но достовѣрно извѣстно, что Никита вскорѣ послѣ первой встрѣчи съ Петромъ доставилъ ему въ Москву шесть отлично сдѣланныхъ ружей и назначилъ платы по 1 р. 80 к. за каждое, тогда какъ до этого казна платила за нихъ за-границу по 12 и даже по 15 рублей за штуку.

Это было во время шведской войны. Понятно, царь обрадовался, что отыскалъ такого диковиннаго кузнеца у себя на родинѣ, поцѣловалъ Никиту, подарилъ ему 100 рублей и сказалъ: „постарайся, Демидычъ, распространить свою фабрику, я не оставлю тебя!“ Петръ, не терпѣвшій откладывать дѣла въ долгій ящикъ, тутъ-же приказалъ отвести Демидову въ 12 верстахъ отъ Тулы, въ Малиновой Засѣкѣ, нѣсколько десятинъ земли для добыванія желѣзной руды и жженія угля.

Такимъ образомъ, при помощи царя, увидѣвшаго въ Никитѣ предпріимчиваго и искуснаго мастера, Демидовъ построилъ на устьѣ рѣки Тулицы большой желѣзный заводъ съ вододѣйствующими машинами и сталъ поставлять въ казну, по дешевымъ цѣнамъ, хорошихъ качествъ ружья, не уступавшія иностраннымъ, и въ Пушкарскій приказъ—разные военные снаряды. Царь не забывалъ своего любимца и въ 1701 году дозволилъ ему увеличить заводъ, отдалъ въ собственность лежавшія около Тулы стрѣлецкія земли и для выжига угля приказалъ отвести въ Щегловской засѣкѣ полосу во всю ширину ея и на пять верстъ въ длину, съ исключительнымъ правомъ копать руду въ Малиновой Засѣкѣ только одному Демидову. Такимъ образомъ великій царь по отношенію къ „Демидычу“ практиковалъ „протекціони-

стскую“ систему,и заводъ счастливаго кузнеца былъ вполнѣ обезпеченъ и матеріалами, и сбытомъ своихъ произведеній.

Впрочемъ Петръ, ставя всегда полезныя для государства мѣры на первый планъ и не стѣсняясь прежними своими распоряженіями, скоро запретилъ „Демидычу“ рубить въ Щегловской засѣкѣ кленъ, дубъ и ясень, необходимые для постройки многочисленныхъ кораблей. Это обстоятельство, затруднявшее заводчика вслѣдствіе недостатка необходимаго горючаго матеріала, послужило причиною событія, которое и выдвинуло Демидова на видъ, доставило ему въ исторіи горнаго дѣла Россіи одно изъ самыхъ почетнѣйшихъ мѣстъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дало фамиліи Демидовыхъ то колоссальное богатство, которое могло обезпечить ихъ царскую роскошь.

Если-бы Демидовы ограничились только своею дѣятельностью въ Тулѣ, то, вѣроятно, исторія не имѣла-бы въ нихъ въ своемъ родѣ героевъ, *создавшихъ* и упрочившихъ на Руси цѣлую отрасль государственнаго хозяйства. Руды около Тулы были не особенно высокихъ качествъ и производительность тульскаго завода не могла быть значительною. Демидовыхъ ждалъ къ себѣ почти дѣвственный и пустынный Уральскій хребетъ съ своими знаменитыми горами, состоящими изъ сплошной великолѣпнѣйшей руды, съ неисчерпаемыми и разнообразными минеральными богатствами, съ чудесными золотыми и платиновыми розсыпями... А за Ураломъ были сибирскія степи и горы, еще болѣе пустынныя и ждавшія предпріимчивыхъ піонеровъ. Тамъ было гдѣ развернуться тульскимъ кузнецамъ! И исторія, въ которой мѣриломъ значенія личности и ея геройскихъ свойствъ является,—что-бы тамъ ни говорили историки,—во многихъ еще случаяхъ, достигнутый личностью въ ея начинаніяхъ внѣшній успѣхъ,—имѣетъ полное право вписать въ свои скрижали имена первыхъ Демидовыхъ: ихъ успѣхъ на Уралѣ былъ громаденъ.

ГЛАВА II.

Уралъ и его піонеры.

Уральскія горы. — Ихъ богатства. — Постройка Невьянскаго завода.—Обѣдъ съ кузнецами.—Отдача заводовъ Демидову.—«Правыя слезы» и «обидныя воздыханія». — Приписка крестьянъ къ заводамъ.—«Протекціонизмъ» Петра.—Старый домъ въ Невьянскѣ.—Портретъ Никиты.—Страшная башня. — Легенды и преданія. — Никита-комиссаръ и дворянинъ.—«Крапивное сѣмя».—Доносы на Демидова.—Дешевыя цѣны издѣлій.—Подарокъ на «зубокъ» царевичу.—Судоходство и судостроеніе.

Уральская горная цѣпь, раздѣляющая Европу отъ Азіи, давно была извѣстна своими минеральными богатствами и въ рукахъ знающаго горное дѣло и предпріимчиваго населенія могла-бы давно уже давать громадное количество металловъ. Въ ея нѣдрахъ и въ долинахъ ея рѣчекъ встрѣчаются, безъ преувеличенія, всѣ представители минеральнаго царства, начиная съ каменнаго угля и кончая алмазами. Въ цѣломъ мірѣ не найдется такихъ богатѣйшихъ мѣсторожденій желѣзной руды,— которой хватитъ на цѣлые вѣка, — какъ уральскія горы Магнитная (Высокая) и Благодать. Эту отдаленную окраину русскаго государства, къ которой съ запада примыкали башкирскія степи съ дикимъ кочевымъ населеніемъ, и за которою начиналась уже Сибирь,—мѣсто ссылки и заточеній,—суждено было оживить Демидовымъ. Хотя на Уралѣ и были построены казенные заводы еще при Алексѣѣ Михайловичѣ, но они работали крайне неисправно, часто останавливались, издѣлія ихъ обходились дорого и производительность была ничтожною.

Въ 1696 г. верхотурскій воевода Протасьевъ представилъ Петру Великому образцы магнитной руды съ рѣчки Тагила и желѣзной—съ рѣки Нейвы. Царь по-

слалъ ее испытать за-границу, въ Амстердамъ, къ тамошнему бургомистру, знатоку горнаго дѣла, и въ Ригу. Часть кусковъ была передана и Демидову. По испытаніи, руды оказались превосходныхъ качествъ и содержали большое количество желѣза. А Демидовъ, приготовивъ изъ полученной руды нѣсколько ружей, замковъ и бердышей, объявилъ, что невьянское желѣзо не хуже „свейскаго“ (шведскаго), пользовавшагося европейскою извѣстностью. Царь, у котораго дѣло, что называется, кипѣло въ рукахъ, построилъ въ 1698 г. заводъ на Нейвѣ. Полученное въ 1702 г. желѣзо было испытано на Пушечномъ дворѣ, а также и Демидовымъ, который пріобрѣлъ уже въ глазахъ Петра значеніе опытнаго совѣтника; желѣзо было найдено по-прежнему превосходнымъ.

Тогда-то въ головѣ смѣлаго тульскаго кузнеца, — особенно въ виду запрещенія получать лѣсъ около Тулы,—и родилась мысль перенести свою главную дѣятельность въ далекій, пустынный, но богатый край.

По одному изъ современныхъ разсказовъ, царь былъ въ Москвѣ и садился за обѣдъ со своими приближенными, когда ему доложили о приходѣ Демидовыхъ— Никиты и сына его Акинфія, котораго Петръ уже и раньше зналъ. Кузнецы были въ простыхъ „кожанахъ“, но царь-работникъ не зналъ этикетовъ и посадилъ „Демидыча“ съ сыномъ за свой столъ. Никита сталъ просить объ отдачѣ ему Невьянскихъ заводовъ и царь согласился на его просьбу.

Что побудило Петра согласиться на отдачу въ частныя руки, за ничтожное вознагражденіе казнѣ, богатѣйшихъ рудныхъ мѣсторожденій, заводовъ и сотенъ тысячъ десятинъ земли? Главною причиною являлось, кажется, то обстоятельство, что заводы, при казенномъ управленіи, дѣйствовали неисправно и стоили дорого, а между тѣмъ Демидовъ пріобрѣлъ большое довѣріе и любовь царя: онъ былъ однимъ изъ тѣхъ предпріимчивыхъ и искусныхъ людей, которыхъ такъ любилъ

Петръ и которыхъ у него такъ мало имѣлось въ государствѣ.

Какъ-бы то ни было, но, по поданной въ Сибирскій приказъ просьбѣ Демидова, заводы на Нейвѣ и Тагилѣ (Невьянскіе или Верхотурскіе), съ громадными пространствами лѣсовъ и земель, съ знаменитою горою Магнитною,—граматою 4-го марта 1702 года были отданы просителю. Со времени этой-то отдачи заводовъ „Никитѣ Демидову“ (какъ писалось въ граматахъ) тульскій кузнецъ, вмѣсто прежняго прозвища—Антуфьевъ,—именуется уже Демидовымъ.

За все полученное богатство Никита долженъ былъ уплатить казнѣ, втеченіе пяти лѣтъ, желѣзомъ, по условной цѣнѣ, стоимость заводовъ, что онъ и сдѣлалъ гораздо скорѣе: въ три года.

Этою знаменитою граматою,—которую представители рода Демидовыхъ должны-бы были начертать на золотыхъ скрижаляхъ, какъ самый драгоцѣнный документъ въ ихъ архивахъ,—Никитѣ дано было дозволеніе, распространенное и на другихъ заводчиковъ, покупать для заводовъ людей и отводить имъ земли. Право это, въ виду того обстоятельства, что въ глухихъ мѣстностяхъ Урала и другихъ русскихъ окраинахъ было мало вольныхъ рабочихъ, являлось крайне важнымъ для заводчиковъ и послужило основаніемъ къ созданію тѣхъ колоссальныхъ богатствъ, которыя были составлены торгово-промышленными людьми вродѣ Походяшина, Твердышевыхъ и Баташева. Это, такъ сказать, „заводское“ рабство было одною изъ тяжелыхъ его разновидностей. И не нужно особенныхъ усилій воображенія, чтобы представить себѣ печальную картину переселенія и „своза“ цѣлыхъ массъ крестьянства, отрываемаго отъ родины и привычныхъ занятій для работы въ дремучихъ лѣсахъ Урала и тундрахъ Сибири.

Съ полученіемъ уральскихъ заводовъ Демидовыми—личность Акинфія выступаетъ на первый планъ и засло-

няетъ собою Никиту. Этому энергичному и суровому человѣку, но дѣльному хозяину и неутомимому предпринимателю Россія обязана устройствомъ большого количества заводовъ, а также открытіемъ многочисленныхъ и разнообразныхъ рудниковъ, а фамилія Демидовыхъ—своимъ историческимъ богатствомъ.

Самъ Никита, изготовляя въ Тулѣ въ 1702 г. для Петра, воевавшаго со Швеціею, 20,000 ружей, не могъ отправиться въ свои новыя владѣнія, и его повѣренный въ маѣ 1702 г. принялъ Невьянскіе заводы. Затѣмъ немедленно туда-же, въ сопровожденіи 12 лучшихъ тульскихъ мастеровъ, отправился и Акинфій, бывшій потомъ единственнымъ распорядителемъ заводовъ. Въ іюнѣ того-же года самъ Никита не надолго съѣздилъ на Уралъ.

Петръ въ концѣ этого-же 1702 г. послалъ на Невьянскіе заводы думнаго дьяка (по нынѣшнему статсъ-секретарь) Виніуса, знатока и любителя горнаго дѣла, осмотрѣть заводы и преподать инструкціи заводчику. Въ граматѣ, переданной Виніусомъ Демидову, заключалось много интереснаго и указывалось на то, чего ждетъ царь отъ своихъ подданныхъ. „Памятовать тебѣ, Никитѣ, что такіе тебѣ заводы отданы,—говорилось въ граматѣ,—у рудъ, каковыхъ во всей вселенной лучше нѣтъ, за твою вѣрную службу. А при заводахъ—лѣса, земли, хлѣба, живности“. Грамата краснорѣчиво напоминала Демидову о смертномъ часѣ, когда о всѣхъ „содѣянныхъ дѣлахъ предъ престоломъ Божіимъ будетъ всѣмъ нелицемѣрное истязаніе, а потомъ, по благихъ дѣлѣхъ, вѣчное блаженство, а по лживыхъ—нескончаемое мучительное осужденіе послѣдуетъ“. Въ граматѣ указывалось и на то, что Никита обѣщался исправно и дешево ставить въ казну воинскіе припасы; въ заключеніе эта-же знаменитая грамата давала право Никитѣ наказывать лѣнивыхъ заводскихъ людей, но съ тѣмъ, чтобы онъ „не навелъ на себя правыхъ слезъ и обид-

наго воздыханія, что предъ Господомъ—грѣхъ непростительный". Увы, это гуманное пожеланіе не осуществилось: много тяжелыхъ страницъ заключаетъ въ себѣ исторія заводскаго дѣла на Руси и много на заводахъ Демидовыхъ проливалось „правыхъ слезъ" и слышалось „обидныхъ воздыханій"!

Вѣроятно, дружно поладили Демидовы съ Виніусомъ, потому что результаты поѣздки послѣдняго были очень благопріятны заводчикамъ. Не находя вол[illegible]чхъ рабочихъ и не имѣя еще много своихъ крѣпостныхъ — между тѣмъ какъ заводское дѣло расширялось,—Демидовы просили царя о приписке къ заводамъ окрестныхъ селъ и деревень, и Петръ, убѣдившись въ полезной дѣятельности Демидовыхъ, „для умноженія ихъ заводовъ", 9-го января 1703 г. приказалъ приписать къ нимъ на работу: Аятскую и Краснопольскую волости и монастырское село Покровское съ деревнями (въ верхотурскомъ уѣздѣ), со всѣми крестьянами и угодьями. За эту щедрую подачку Демидовы платили ежегодно желѣзомъ ту сумму, которая вносилась прежде крестьянами приписанныхъ селъ въ казну и монастырь.

Такимъ образомъ Демидовы, по милости царя, пріобрѣли за безцѣнокъ заводы и сдѣлались владѣльцами богатѣйшихъ въ свѣтѣ рудныхъ мѣсторожденій, громадныхъ пространствъ лѣсу, земель, безчисленныхъ угодій; въ ихъ власть были отданы „приписные", а благодаря покупкамъ, заводчики сдѣлались собственниками тысячъ душъ крестьянъ. Купленные къ заводамъ крестьяне составили впослѣдствіи, какъ и у другихъ владѣльцевъ, особую разновидность „рабовъ", крѣпкихъ не господамъ, а заводамъ. Понятно, что это юридическое подраздѣленіе живой собственности нисколько не могло отразиться выгодно на новой разновидности крѣпостныхъ и ихъ положеніе было еще тяжелѣе, чѣмъ въ другихъ формахъ крѣпостной зависимости.

Говоря о громадныхъ льготахъ, дарованныхъ Деми-

довымъ, не нужно забывать еще и того, что заводчикамъ не приходилось искать рынка для сбыта своихъ произведеній: этимъ рынкомъ была вся Россія, нуждавшаяся въ желѣзѣ, а также и казна, куда облагодѣтельствованные кузнецы ставили впродолженіи десятковъ лѣтъ военные припасы, желѣзо и сталь. Правда, пожалованіе заводовъ обязывало ихъ ставить припасы въ казну дешевле прочихъ заводчиковъ, но такъ какъ Демидовы могли получать свои продукты при минимальныхъ издержкахъ производства, то они и при дешевыхъ цѣнахъ на издѣлія брали большія барыши. Нужно еще принять во вниманіе и то обстоятельство, что у владѣльцевъ невьянскихъ богатствъ было мало конкуррентовъ: до нихъ частныхъ заводчиковъ было немного и только удачный примѣръ Демидовыхъ заставилъ броситься на Уралъ цѣлыя толпы предпріимчивыхъ людей, въ числѣ которыхъ немало было и авантюристовъ.

Петръ оказался самымъ крайнимъ протекціонистомъ и не жалѣлъ жертвъ для того, чтобы *создать* горную промышленность на родинѣ. Жертвы эти были громадны: лучшія горныя мѣста, представлявшія драгоцѣнное достояніе государства, перешли къ частнымъ лицамъ; сотни тысячъ крестьянъ, при Петрѣ I и его преемникахъ, на многіе годы были закрѣпощены заводамъ. Передъ такими льготами кажутся игрушкою самые высокіе нынѣшніе протекціонистскіе тарифы. И, кажется, трудно особенно осуждать за это великаго царя, положившаго начало такой горной политикѣ. Бываютъ историческіе моменты, когда представляются необходимыми для возникновенія и упроченія промышленнаго дѣла — большія льготы и жертвы. Безъ этихъ льготъ и жертвъ, вѣроятно, многія богатства страны были-бы, такъ сказать, лишь въ потенціальномъ состояніи. Франція, при помощи протекціонистской торговой политики Кольбера, создала и упрочила свои великолѣпныя мануфактуры. Да и вообще говоря, государство, какъ Левіафанъ, въ истори-

ческомъ процессѣ своего роста поглощаетъ немало жертвъ. Это, кажется, жестокій и непреложный законъ судьбы, по крайней мѣрѣ при современномъ типѣ общества:

Даромъ ничто не дается: судьба
Жертвъ искупительныхъ проситъ!

Но, понятно, мы далеки отъ того, чтобы оправдывать жертвы со стороны государства при условіяхъ, когда производство уже создалось и упрочилось и когда льготы, оказываемыя частнымъ лицамъ, являются только преміею за отсутствіе предпріимчивости и энергіи у нашихъ капиталистовъ, привыкшихъ брать громадные барыши и не старающихся ни объ улучшеніи техники, ни объ отысканіи новыхъ рынковъ для сбыта товаровъ. При такой льготной политикѣ обыкновенно забывается потребитель, который долженъ платить гораздо дороже за продукты производства, окупая своими „животами“ лѣнь нашихъ буржуевъ.

Говоря о петровскихъ льготахъ, мы все-таки должны отмѣтить то обстоятельство, что многіе заводчики, по неумѣнью и отсутствію предпріимчивости, прогорали: они, такъ сказать, почивали на лаврахъ, не хотѣли усиленно работать и дѣло ихъ погибало. Но не таковы были Демидовы,—и мы теперь обратимся къ ихъ дѣятельности на новомъ мѣстѣ, на Уралѣ, доставившей имъ въ исторіи горнаго дѣла на Руси почтенную и заслуженную извѣстность.

Акинфію, старшему сыну Никиты, было 24 года, когда онъ сдѣлался полнымъ хозяиномъ уральскихъ заводовъ. Хотя имя Никиты и упоминается въ актахъ, относящихся до дѣятельности этихъ заводовъ, но всѣмъ въ сущности завѣдывалъ Акинфій, такъ какъ отецъ больше проживалъ въ Тулѣ, гдѣ были и два его младшихъ сына, или хлопоталъ по дѣламъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Первое время впрочемъ онъ довольно долго оставался въ своей уральской столицѣ—Невьянскомъ заводѣ, расположенномъ на р. Нейвѣ, въ 83 верстахъ

отъ теперешняго Екатеринбурга. До сихъ поръ еще стоитъ въ этомъ заводѣ каменный домъ, построенный неладно, но крѣпко тульскими кузнецами. Отъ его стѣнъ и всей обстановки вѣетъ глубокою стариною. Все сдѣлано изъ дуба, камня и желѣза. Въ домѣ ничто не измѣнилось за истекшія два столѣтія: толстыя стѣны и узкія окна придаютъ ему видъ крѣпости. Комната, гдѣ жилъ Никита во время пріѣздовъ въ Невьянскъ, была устроена въ акустическомъ отношеніи такъ, что владѣльцу все, говорившееся въ домѣ, было слышно. Старый кузнецъ, бывшій въ молодости шутникомъ и весельчакомъ, ужь видимо почуялъ ревность къ власти и пріобрѣталъ привычки деспота. Акустическая комната выдавала ему виновныхъ и ихъ постигали суровыя наказанія. Старикъ былъ крутого нрава и не терпѣлъ ослушниковъ и лѣнивыхъ.

Въ одной изъ комнатъ стараго дома до послѣдняго времени находился портретъ Никиты Демидова. Рѣдко попадаются такія характерныя лица: кузнецъ жилистою и мозолистою рукою придерживаетъ кожанъ, другою— опирается на костыль; суровое лицо, съ сумрачными глазами, глубоко сидящими въ орбитахъ, напоминаетъ худобою и желтизною лица аскетовъ. Этотъ портретъ снятъ уже со стараго Никиты, когда житейскія бури и треволненія успѣли избороздить лобъ его глубокими морщинами.

Впослѣдствіи Акинфій Никитичъ построилъ въ Невьянскѣ высокую каменную башню, теперь отъ времени наклонившуюся и исполняющую скромное назначеніе пожарной каланчи. Подъ башнею есть кладовыя и подземелья со многими ходами. Въ тѣ далекія времена жестокихъ нравовъ и господства грубой силы подземелья башни исполняли далеко не мирную миссію. Они были застѣнкомъ, гдѣ пытали подозрѣваемыхъ и виноватыхъ, и тюрьмою для осужденныхъ. А для многихъ они были и могилою. Эта знаменитая башня (28 саженъ высоты) пользовалась печальною славою въ на-

родѣ. По преданіямъ и разсказамъ старожиловъ, въ ней замуровывали людей и держали въ колодкахъ и цѣпяхъ опасныхъ супротивниковъ. Много могла-бы передать страшныхъ легендъ эта башня, служившая, какъ увидимъ ниже, Акинфію монетнымъ дворомъ для чеканки монеты, когда онъ открылъ знаменитые алтайскіе серебряные рудники. Во время наѣзда ревизоровъ для открытія на заводахъ бѣглыхъ, туда, въ подземелья башни, запирали ссыльныхъ и каторжныхъ,—которыхъ ужь никакъ нельзя было показать за купленныхъ крестьянъ, такъ какъ у нихъ были клейма и вырѣзаны ноздри,—и спускали, если нужно, изъ шлюзовъ Невьянскаго пруда воду, чтобы схоронить концы и не отвѣчать передъ властями.

У Акинфія закипѣла работа: застучали на безмолвствовавшихъ прежде Верхотурскихъ заводахъ сотни молотовъ, задымились печи. Втеченіе своей дѣятельности на Уралѣ Акинфій, вмѣстѣ съ отцомъ и одинъ, построилъ не менѣе 10 желѣзодѣлательныхъ и чугуноплавильныхъ заводовъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ напримѣръ Нижне-Тагильскій, по своимъ издѣліямъ пріобрѣли громкую европейскую извѣстность. Демидовское сортовое желѣзо, точно такъ-же какъ и яковлевское листовое,—до сихъ поръ еще имѣютъ мало соперниковъ.

Прежде, при казенномъ управленіи, Верхотурскіе заводы работали, съ грѣхомъ пополамъ, въ годъ 10—20 тысячъ пудовъ желѣза, между тѣмъ какъ при Акинфіѣ на его заводахъ получалось въ иные годы до 600 тысячъ пудовъ чугуна, изъ котораго выдѣлывалось до 350—400 тыс. пудовъ желѣза, что для того времени было громадною величиною. Чтобы охарактеризовать дѣятельность Демидовыхъ по заводскому дѣлу на Уралѣ, можно указать на слѣдующее: въ предѣлахъ нынѣшней пермской губерніи во 2-й половинѣ XVIII вѣка считалось всего 65 чугуноплавильныхъ и желѣзныхъ заводовъ, между тѣмъ какъ втеченіе того-же столѣтія

однимъ Никитою Демидовымъ и его потомками основано въ той-же мѣстности не менѣе 30 желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ. А въ наше время только Нижне-салдинскій и, основанный Акинфіемъ, Нижне-тагильскій—заводы даютъ ежегодно до 900,000 пудовъ превосходнаго чугуна каждый.

Новые заводы исправно поставляли по дешевымъ цѣнамъ въ казну большія количества военныхъ припасовъ, пушекъ и „фузей". При отправкѣ на уральскіе заводы, Никитѣ было дозволено между прочимъ взять по выбору двадцать лучшихъ посадскихъ кузнецовъ изъ Тулы. У него-же на заводахъ работали ссыльные поляки и шведы, изъ которыхъ потомъ образовалась особая слобода при Невьянскомъ заводѣ. Вѣроятно, эти опытные въ горномъ дѣлѣ плѣнники помогли Демидовымъ поставить дѣло, при тогдашнихъ младенческихъ пріемахъ техники, на достаточную высоту и достигнуть не только извѣстной прочности, но и изящества въ издѣліяхъ. Въ Невьянскѣ была, между прочимъ, и пушечная сверлильня, такъ какъ Никита взялъ громадный для того времени заказъ на нѣсколько сотъ пушекъ, необходимыхъ для веденія войны со „шведомъ".

За все это царь не оставлялъ милостями своего „Демидыча", хотя, повторяемъ, за спиною отца всѣмъ уже на Уралѣ распоряжался Акинфій. Въ 1709 году тульскому кузнецу Никитѣ было пожаловано личное дворянство: онъ назначенъ комиссаромъ *) по Верхотурскимъ заводамъ, а 21-го сент. 1720 г. возведенъ въ потомственное дворянство, которое, по смерти Никиты, граматою Екатерины I въ 1726 году было распространено и на дѣтей покойнаго комиссара, съ привилегіею, „противъ другихъ дворянъ", ни дѣтей, ни потомковъ „ни въ какія службы не выбирать и не употреблять".

Возвышеніе и богатство Демидовыхъ конечно не

*) Что-то вродѣ полицейской должности и вмѣстѣ сборщика казенныхъ податей.

давали спать ихъ недоброжелателямъ. Начиная съ воеводъ, этихъ маленькихъ державцевъ ввѣренныхъ имъ „на кормленіе“ областей, и кончая послѣднимъ подьячимъ, все старалось притѣснить заводчика и очернить его передъ высшею властью. „Бумага“, этотъ необходимый элементъ русской жизни, замѣшалась и въ живое дѣло Демидовыхъ. Но, сильный довѣріемъ царя, кузнецъ выпутывался изъ кляузныхъ сѣтей. Ниже мы подробнѣе скажемъ о тѣхъ столкновеніяхъ, которыя возникли между Демидовыми и знаменитымъ „первымъ“ русскимъ историкомъ Василіемъ Никитичемъ Татищевымъ (извѣстнымъ горнозаводскимъ дѣятелемъ того времени на Уралѣ) по крайне интересному вопросу о бѣглыхъ людяхъ. Здѣсь-же упомянемъ только о томъ, что приписные крестьяне, въ трудѣ которыхъ такъ нуждался Демидовъ, много терпѣли отъ верхотурскихъ воеводъ, и царь не разъ грозно допекалъ этихъ начальниковъ, чтобы они не притѣсняли крестьянъ и не противодѣйствовали заводскимъ работамъ. Петръ приказалъ воеводамъ, подъ страхомъ грозныхъ каръ, не вмѣшиваться въ заводское дѣло, а Никиту — вѣдать непосредственно въ Сибирскомъ приказѣ.

Допекали Демидова и фискалы. Для „умноженія государевыхъ доходовъ“, царь учредилъ должности „прибыльщиковъ“ или фискаловъ. Эти „прибыльщики“ должны были всѣми силами стараться пріумножить достояніе государственное, что однако не мѣшало имъ набивать собственные карманы и часто жестоко за это платиться. Эти „государевы очи“ розыскивали „тайно и явно“: о кражахъ казны, утайкахъ и злодѣяніяхъ казенныхъ и частныхъ лицъ. Понятно, что эти господа злоупотребляли своею властью и придирались ко всему, что могло имъ обѣщать поживу, такъ какъ, въ случаѣ успѣшности доноса, и на ихъ долю перепадали немалыя крохи.

Нужно сказать, что горное дѣло въ Сибири въ то время (до изданія „бергъ-привилегіи“ 1719 г.) на-

ходилось подъ вѣдѣніемъ цѣлой тучи начальствъ и по пословицѣ: „у семи нянекъ — дитя безъ глаза“, ему съ этими начальствами приходилось худо. Еще въ 1700 г. былъ учрежденъ Рудный Приказъ, но на мѣстѣ дѣла вѣдали губернаторы и воеводы. Кромѣ того былъ еще и Сибирскій Приказъ, которому вся Сибирь подчинялась въ административномъ и судебномъ отношеніяхъ.

Затѣмъ Демидову приходилось, помимо личныхъ приказовъ государя, вѣдаться съ тогдашнимъ военнымъ и морскимъ вѣдомствами, куда онъ поставлялъ издѣлія своихъ заводовъ. Понятно, что каждое изъ этихъ начальствъ безпрестанно вмѣшивалось въ сферу дѣйствій другого, ища „кормежки“. Ко всему этому надо добавить, что заводскія издѣлія подлежали безконечному ряду пошлинъ и сборовъ: помимо 10% сбора натурою съ продукта, брались внутреннія таможенныя пошлины, перекупныя, вѣсовыя, мостовщина, причальныя и отчальныя и даже съ найма подводъ. Точно опредѣленныхъ правилъ насчетъ всѣхъ этихъ сборовъ не существовало и часто они высчитывались совершенно неправильно даже въ ариѳметическомъ отношеніи, — просто какъ Богъ на душу положитъ. А между тѣмъ за утайку и неплатежъ этихъ сборовъ владѣльцы металловъ подвергались наказаніямъ, штрафамъ и конфискаціямъ имущества. Всѣ эти „волокиты“ и громадные сборы задерживали развитіе горнаго дѣла. Не мудрено, что прибыльщики могли хорошо ловить рыбу въ мутной водѣ. И только съ учрежденіемъ бергъ-коллегіи (1718 г.) и съ изданіемъ бергъ-привилегіи (въ 1719 г.),—перваго горнаго закона на Руси,—горное дѣло въ нашемъ отечествѣ стало на болѣе правильную почву.

Какъ мы уже говорили, Никита Демидовъ, по своему быстрому обогащенію, давно возбудилъ вожделѣнія фискаловъ (изъ которыхъ въ особенности извѣстенъ Нестеровъ) и они не разъ хотѣли прижать бывшаго кузнеца, обвиняя его въ томъ, что онъ утаиваетъ же-

лѣзо, не платитъ пошлинъ и слишкомъ дорого ставитъ припасы въ казну. Примѣшивались глухо обвиненія и въ томъ, что Никита держитъ бѣглыхъ людей на заводахъ. При этихъ доносахъ нѣкоторые изъ фискаловъ выражали не совсѣмъ скромное желаніе объ отнятіи невьянскихъ заводовъ отъ Демидова и объ отдачѣ имъ, фискаламъ, за что они обѣщали „порадѣть“ для матушки-родины и „для царскаго величества“. Хотя Демидовъ и удачно оправдывался передъ сенатомъ, куда доходили его дѣла, но все-таки по этимъ дѣламъ былъ порученъ „розыскъ“ извѣстному начальнику розыскной канцеляріи лейбъ-гвардіи капитанъ-поручику Плещееву. Розыскъ былъ настоящею Калифорніей для тогдашняго „крапивнаго сѣмени“. Плещеевъ тянулъ его три года, наказывалъ людей Демидова, держалъ ихъ въ кандалахъ и вѣроятно прижимистому тульскому кузнецу пришлось не мало потратить денегъ и покланяться господамъ подъячимъ. А жаловаться старый заводчикъ боялся: царь былъ далеко, благопріятель думный дьякъ Виніусъ сошелъ со сцены, да притомъ у невьянскаго богача былъ большой грѣхъ, по части „бѣглыхъ людей“.

Но счастье не оставляло старика и ему удалось блистательно оправдаться во всѣхъ взводимыхъ на него обвиненіяхъ и особенно въ томъ, что онъ беретъ за военные припасы дороже другихъ заводчиковъ. Въ это время (1715 г.) потребовался большой заказъ на адмиралтейство. Царь, въ виду доносовъ на Демидова, поручилъ князю Василью Владиміровичу Долгорукову изслѣдованіе по этому дѣлу и приказалъ сравнить цѣны другихъ подрядчиковъ съ демидовскими. Оказалось, что многія издѣлія Демидова поставлялись вдвое дешевле и не нашлось ни одного, которое-бы стоило дороже. Никита торжествовалъ и царь тоже обрадовался за „Демидыча“. Въ горячей челобитной Никита излилъ свои жалобы на „крапивное сѣмя“ и на „волокиты“ по поводу разсчетовъ съ казною. Онъ

требовалъ, чтобы съ казенныхъ заказовъ пошлинъ не брали, деньги выдавали-бы безъ замедленія и просилъ снова подтвердить за нимъ право на владѣніе Невьянскими заводами, а также чтобы его вѣдали въ Петербургѣ, въ канцеляріи князя Долгорукова, о чемъ и дать указъ, чтобы „убытковъ какихъ не было“. На все это Петръ согласился и только тогда были отпечатаны амбары Никиты и возвращено ему секвестрованное желѣзо. Но и послѣ этого „крапивное сѣмя“ не угомонилось: при продажѣ въ таможнѣ желѣза, принадлежавшаго Никитѣ, взяли двойную пошлину „за грубость и непристойное поведеніе приказчика“, котораго притомъ-же продержали нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ.

Интересно привести здѣсь справку о стоимости въ то время желѣза и издѣлій. До Демидова подрядчики ставили желѣзо въ казну по 60—75 к. за пудъ; шведское стоило 90 к., а по объявленіи войны дошло до 3 р. за пудъ и даже по этой цѣнѣ нельзя было его достать; шинное поставлялось по 90 к. Никита-же поставлялъ разные сорта желѣза по средней цѣнѣ 50 к. пудъ. Бомбы, пушки и ядра поставлялись имъ въ казну по 20—25 к. за пудъ. Эти дешевыя цѣны Демидова, помимо доставленныхъ ему громадныхъ льготъ при жалованіи заводами, объяснялись конечно и тѣмъ, что прежній тульскій кузнецъ, будучи самъ работникомъ, изучилъ въ совершенствѣ заводскую технику на практикѣ. Сначала онъ самъ, а потомъ его сынъ Акинфій лично смотрѣли и руководили работами.

— „Заводы, яко малое дѣтище, требуютъ ухода за ними и хозяйскаго глаза“—говорилъ Никита.

Но „это малое дѣтище“ дало возможность когда-то бѣдному тульскому кузнецу преподнести въ 1715 году „на зубокъ“ родившемуся царевичу Петру Петровичу, кромѣ драгоцѣнныхъ вещей и великолѣпныхъ сибирскихъ мѣховъ,—100,000 тогдашнихъ рублей. О такой громадной суммѣ прежде вѣроятно и мечтать не могъ

работавшій когда-то въ Тулѣ за алтынъ въ недѣлю кузнецъ.

Посмотримъ теперь, что еще дѣлали Демидовы на Уралѣ. Кромѣ постройки новыхъ и расширенія старыхъ желѣзныхъ заводовъ, имъ пришлось заботиться и о лучшихъ способахъ доставки въ далекую страну, въ Москву и новую столицу, своихъ издѣлій. Дороги въ этомъ краѣ, во многихъ мѣстахъ котораго только впервые ступала нога человѣка, были убійственны. Демидовы позаботились привести ихъ въ хорошій порядокъ, такъ что путешествовавшіе впослѣдствіи по Уралу академикъ Гмелинъ и извѣстный ученый Палласъ находили, что нигдѣ не было такихъ хорошихъ сухопутныхъ дорогъ, какъ демидовскія, проложенныя, казалось, въ самыхъ непроходимыхъ мѣстахъ. Дороги были обсажены деревьями, окопаны по сторонамъ канавами, съ прочными мостами. Понятно, что такіе пути сообщенія могли быть проложены только при дешевомъ рабочемъ трудѣ, какимъ дѣйствительно и являлась работа „приписныхъ“ крестьянъ. Открытый еще Ермакомъ, за 120 лѣтъ до Демидовыхъ, судоходный путь по Чусовой, впадающей въ Каму, былъ возстановленъ энергическими заводчиками, которые на принадлежавшихъ имъ пристаняхъ строили большое количество барокъ и другихъ судовъ для доставки своихъ каравановъ съ металлами въ столицы.

Неутомимо отыскивая рудныя мѣсторожденія, Демидовы вскорѣ нашли и мѣдную руду за рѣчкой Выей, близъ Тагильскаго завода, у Магнитной горы, гдѣ и было дозволено берг-коллегіей въ 1721 году построить заводъ. Хотя Геннинъ отзывался насмѣшливо о качествахъ и богатствѣ открытой Демидовыми мѣдной руды, но выйскій заводъ доставилъ впослѣдствіи громадныя количества мѣди хорошихъ качествъ. Развивая свою дѣятельность, Демидовы не бросали ничего, что могло быть имъ полезно и что въ качествѣ „раритета“ могло удовлетворять ихъ любознательность, начинавшую уже обнаружи-

ваться у новыхъ богачей. Такъ они старались о разработкѣ асбеста или горнаго льна, мѣсторожденіе котораго (Шелковая гора) было открыто близъ Невьянскаго завода, на рѣкѣ Тагилѣ. Искусство выдѣлки прочныхъ и огнеупорныхъ тканей изъ асбеста было извѣстно еще въ древности; но, повидимому, Никита Демидовъ собственными опытами дошелъ до его обработки и въ 1722 году представилъ Петру I образчики полотна изъ этого вещества. Теперь разработка асбеста оставлена, но, введенная Демидовымъ въ значительныхъ размѣрахъ, она долго сохранялась въ Сибири, гдѣ изъ горнаго льна приготовлялись колпаки, кошельки, перчатки и шнурки. Еще знаменитый Палласъ видѣлъ работы, произведенныя Акинфіемъ въ Шелковой горѣ, и нашелъ въ Невьянскѣ старуху, которая умѣла ткать полотно, сучить нитки и вязать перчатки изъ асбеста. Въ числѣ „раритетовъ“, добывавшихся невьянскими владѣльцами, были и естественные „магниты“, т. е. куски руды, обладающіе свойствами магнитовъ. Большіе магниты довольно рѣдки, между тѣмъ у Акинфія былъ магнитъ въ 13 фунтовъ, державшій пудовую пушку, и заводчикомъ были пожертвованы въ церковь Нижне-тагильскаго завода для престоловъ два громадныхъ — кубической формы — магнита, равныхъ которымъ вѣроятно не найдется въ цѣломъ свѣтѣ.

Помимо всего этого, есть извѣстіе, что Акинфіемъ была начата добыча и обработка гранита, а также великолѣпныхъ порфировъ и яшмъ, которыми такъ славятся алтайскія горы.

Кстати укажемъ здѣсь на то, что у потомковъ Акинфія имѣются драгоцѣнныя коллекціи всевозможныхъ представителей горнаго міра и неоцѣнимые, по своей рѣдкости и научному интересу, „раритеты“, какъ напримѣръ громадные (до 24 ф.) самородки платины.

ГЛАВА III.

Кузнецы-властелины Урала.

Нужда въ «живой силѣ».—Бѣглые и «пришлые». — Тяжкая ихъ доля.—Заводы—обѣтованная земля.—Раскольники.—«Приписные» крестьяне и ихъ положеніе.—Демидовы, какъ помѣщики.—Грозный Никита Никитичъ. — Историкъ Татищевъ. — Два врага. — Опасность борьбы съ Акинфіемъ.—Подвиги его.—«Въ домны помечемъ!»—Примиреніе противниковъ.—Ревизія на заводахъ. — Происки Демидовыхъ.—Отозваніе Татищева.—Искъ за «оболганіе».—Рефератъ о взяточничествѣ.

Для обширной дѣятельности Демидовыхъ на Уралѣ, даже при началѣ ея, нужны были, разумѣется, соотвѣтственныя механическія средства. Сила пара тогда еще не была извѣстна и машинное дѣло стояло на невысокомъ уровнѣ. Правда, громадные пруды демидовскихъ заводовъ заключали большой запасъ движущей водяной силы, но для обширныхъ работъ въ заводахъ и при заводахъ владѣльцамъ нуженъ былъ ручной трудъ въ большихъ размѣрахъ, нуженъ былъ „живой товаръ“—рабочіе люди. Мы уже видѣли, что указомъ Петра I во власть Демидовыхъ отданы были крестьяне Краснопольской и Аятской слободъ и села Покровскаго съ деревнями, но крестьянъ этихъ для осуществленія широкихъ плановъ тульскихъ кузнецовъ, для поставки большихъ заказовъ казнѣ и для заполненія внутренняго рынка было недостаточно; покупать-же крѣпостныхъ внутри Россіи и переселять ихъ на Уралъ у Демидовыхъ, въ первое время дѣятельности ихъ заводовъ, не хватало еще средствъ. Какъ-же выпутались невьянскіе владѣльцы изъ этого затрудненія? Очень просто, хотя и рискованно: ихъ заводы стали мѣстомъ, куда бѣжали со всѣхъ концовъ Россіи отъ непосильнаго гнета, отъ страшной ре-

крутчины, отъ гоненій за вѣру, отъ притѣсненій воеводъ, жестокости помѣщиковъ и поборовъ „крапивнаго сѣмени“. Заводы для „бѣглыхъ“ крестьянъ, а также ссыльныхъ и каторжниковъ широко открывали свои двери. Въ тогдашней Руси они были, такъ сказать, обѣтованною землею для многихъ, неужившихся съ суровымъ режимомъ петровской эпохи. Пришлецамъ давали хлѣбъ и деньги за работу, но зато они поступали въ полное распоряженіе своихъ новыхъ господъ, имѣвшихъ надъ ними право „жизни и смерти“, тѣмъ болѣе страшное, что рабы не могли уже найти заступника въ законѣ, отъ котораго они сами бѣжали.

„Бѣглые“ были совершенно безправными людьми. Страшныя легенды о подземельяхъ невьянской башни связаны главнымъ образомъ съ судьбою этого несчастнаго народа, которому родина оказалась суровою мачихою. Хотя Демидову и было предоставлено Петромъ право принимать въ заводскія работы „пришлыхъ“ людей, но это право относилось только до свободныхъ „нетяглыхъ“ крестьянъ и съ паспортами, а за пріемъ бѣглыхъ крѣпостныхъ отъ владѣльцевъ, а также безпаспортныхъ казенныхъ полагались наказанія и большіе штрафы. Оно и понятно: каждый такой бѣглецъ представлялъ для государства плательщика подушной подати и пропажа крестьянина являлась потерею дохода владѣльца, вносившаго подать за крѣпостныхъ, или, при казенныхъ крестьянахъ, убыткомъ государственнаго казначейства, очень нуждавшагося въ исправномъ поступленіи податей. За пріемъ и держаніе сбѣжавшаго отъ владѣльца крестьянина платилось за годъ „пожилыхъ денегъ“ по 100 р. Уплата такой суммы за большое количество бѣглыхъ, въ случаѣ ихъ открытія, была-бы не подъ силу даже такимъ богачамъ, какъ Демидовы,—и Акинфій, какъ видно изъ письма его, слезно обращался къ благодѣтелю своему князю Меньшикову, прося „его великокняжескую свѣтлость“ оказать милость уладить демидовское дѣло съ „благороднымъ генералъ-лейтенантомъ

Салтыковымъ“ о взысканіи съ заводчика пожилыхъ денегъ за сбѣжавшихъ на Невьянскій заводъ крестьянъ.

Демидовы, не боясь закона или надѣясь увильнуть отъ него, что и удавалось имъ не разъ, слишкомъ широко пользовались правомъ пріема „пришлыхъ“, въ категорію которыхъ они довольно смѣло и оригинально включали бѣжавшихъ изъ тюремъ и ссылки, а также отъ владѣльцевъ, и дезертировавшихъ рекрутовъ и солдатъ. За эти дѣйствія полагались тяжелыя наказанія и вѣроятно если-бы Петръ зналъ объ этомъ, то и онъ не пощадилъ-бы „Демидыча“ съ сыномъ за такія продѣлки. Нужно еще сказать, что съ раскольниковъ брался двойной подушный окладъ. Но Акинфій не стѣснялся ничѣмъ: кромѣ бѣглыхъ и бродягъ всякихъ разборовъ, его заводы были центромъ раскола, и до сихъ поръ еще почти всѣ бывшія демидовскія заводскія слободы на Уралѣ наполнены раскольниками. „Старообрядцы“ и „раскольники“, преслѣдуемые властями, шли толпами къ Акинфію и находили у него вѣрный пріютъ: заводчику нужны были дешевые рабочіе и не было никакого дѣла до того, какъ они крестятся: двумя или тремя перстами, и во что вѣруютъ. Вопросъ о „бѣглыхъ людяхъ“, составлявшихъ ахиллесову пятку Акинфія, тянулся цѣлыхъ 18—20 лѣтъ, и за все это время владѣлецъ не платилъ за большую ихъ часть податей. Этотъ вопросъ былъ рѣшенъ благопріятно для заводчика указомъ императрицы Анны Іоанновны въ 1738 г.—и тогда всѣ „пришлые“ были записаны за Демидовымъ навѣчно съ освобожденіемъ отъ рекрутчины. Хотя указъ 1738 г. и запрещалъ Демидову впередъ брать бѣглыхъ, но, понятно, это запрещеніе оставалось мертвою буквою: слишкомъ лакомымъ кускомъ были эти бѣглые для заводчика, слишкомъ слабъ былъ контроль администраціи на уральской окраинѣ или слишкомъ легко было задобрить этотъ контроль соотвѣтственными приношеніями.

И эти „бѣглые“ и „пришлые“ люди тоже помо

Акинфію создавать его громадное богатство. Послѣ смерти знаменитаго заводчика осталось 30,000 душъ крестьянъ, и, вѣроятно, не малую цифру изъ этого количества составляли „бѣглые“, навѣки закрѣпощенные за владѣльцемъ.

Обратимся теперь къ положенію „приписныхъ“ къ заводамъ крестьянъ и отношенію къ нимъ различныхъ представителей рода Демидовыхъ. По размѣрамъ и задачамъ нашего очерка мы можемъ удѣлить этому предмету лишь немногія страницы.

Въ ту эпоху созданіе большихъ капиталовъ на Руси было обставлено совсѣмъ иными условіями, чѣмъ теперь. Въ наше время милліоны пріобрѣтаются иногда очень скоро путемъ биржевой игры, удачной финансовой операціи и т. п. Въ заводскомъ дѣлѣ при громадной производительности, при усовершенствованныхъ машинахъ, дающихъ большую экономію, при новѣйшихъ техническихъ пріемахъ, „спеціализаціи и централизаціи“ труда могутъ и въ наше время создаваться большія состоянія.

Но основателямъ демидовской славы и богатствъ приходилось дѣйствовать иначе. У нихъ не было ни банкирскихъ конторъ, ни усовершенствованныхъ машинъ. Зато судьба дала въ ихъ распоряженіе громадный запасъ „живой силы“—рабочихъ и „приписныхъ“ крестьянъ; голыми руками этого люда Демидовы и „загребали жаръ“. И многіе заводчики изъ этой фамиліи для созданія своихъ богатствъ хищнически тратили эту „живую силу“ и вытягивали изъ нея послѣдніе соки. Созиданіе славы и капиталовъ Демидовыхъ непосредственно руками этой рабочей массы напоминаетъ въ извѣстной степени картину постройки, при младенческомъ состояніи механики, трудами рабовъ гигантской пирамиды Хеопса. Вообще положеніе „приписныхъ“ было очень тяжелое. Это являлось тѣмъ болѣе несправедливымъ „похмѣльемъ въ чужомъ пиру“, что приписные были не крѣпостные, но государственные крестьяне, отрабатывавшіе на заводахъ подати, которыя и

вносились за нихъ заводчикомъ въ казну. И исторія отношеній хозяевъ заводовъ къ этому разряду крестьянъ, какъ впрочемъ и ко всѣмъ другимъ разрядамъ,—полна всевозможныхъ злоупотребленій и жестокостей. Эти господа старались приравнять приписныхъ къ своимъ крѣпостнымъ и отягчали ихъ непосильными работами.

По правиламъ, установленнымъ при Петрѣ I (1724 г.), приписные, отработывая подати, должны были получать опредѣленную плату за трудъ (10 к. конный работникъ и 5 к. пѣшій въ день). Эта незначительная плата, несмотря на измѣнившіяся къ невыгодѣ крестьянъ экономическія условія, удержалась втеченіе долгаго времени. И мы видимъ, что заводчики заставляютъ приписныхъ работать за ничтожное вознагражденіе и сверхъ отработанныхъ податей; крестьянъ, вопреки закону, отдаютъ въ солдаты и переселяютъ на заводы; ихъ подвергаютъ свирѣпымъ наказаніямъ, часто оканчивающимся смертью, не только по распоряженію заводчиковъ, но и по приказу управляющихъ и приказчиковъ.

Съ развитіемъ горнаго дѣла положеніе приписныхъ ухудшается: такъ какъ казенные крестьяне, жившіе вблизи заводовъ, скоро были всѣ приписаны къ послѣднимъ, то такой-же участи подверглись и крестьяне, жившіе отъ заводовъ на большихъ разстояніяхъ (иногда 600—700 верстъ). При подобныхъ условіяхъ хожденіе на работу для приписныхъ представляло настоящій адъ. Положеніе ихъ становилось настолько невыносимымъ, что разразилось волненіями на Уралѣ въ 1760—64 гг.

Въ тяжеломъ положеніи этого разряда крестьянъ слѣдуетъ искать причинъ и того явленія, что они на Уралѣ принимали съ распростертыми объятіями Пугачева и его генераловъ, которыми и были разорены тамъ нѣкоторые изъ заводовъ наиболѣе нелюбимыхъ владѣльцевъ.

Многіе и изъ Демидовыхъ были грозными помѣщиками и ихъ отношенія къ своимъ крѣпостнымъ, при-

писнымъ и заводскимъ (поссесіоннымъ) крестьянамъ отмѣчены печатью жестокости.

Про отношенія къ крестьянамъ родоначальниковъ Демидовыхъ, Никиты и Акинфія, мы имѣемъ очень мало данныхъ, но во всякомъ случаѣ эти „желѣзные“ люди были не изъ мягкихъ владѣльцевъ. Можетъ быть, какъ вышедшіе изъ крестьянства, какъ хорошіе хозяева и не вошедшіе еще во вкусъ обладанія приписными, — они не позволяли себѣ особыхъ жестокостей: были „строги, но справедливы“. Зато многіе ихъ потомки стяжали себѣ въ этомъ отношеніи печальную славу, и изъ всѣхъ нихъ пальму первенства нужно отдать младшему сыну Никиты Демидова—Никитѣ Никитичу и сыновьямъ послѣдняго—Евдокиму и Никитѣ. Къ этимъ именамъ мы можемъ еще присоединить и младшаго сына знаменитаго Акинфія—Никиту Акинфіевича, грознаго рабовладѣльца, переписывавшагося съ Вольтеромъ.

Внукъ Никиты Демидова (родоначальника) Никита Никитичъ въ предписаніяхъ своихъ заводскимъ управителямъ приказывалъ „разсѣкать плетьми въ проводку“ рабочихъ и приказчиковъ за малѣйшія упущенія и грозилъ „искоренить родъ и не оставить праху канальскаго, упрямаго и нечестиваго“. И эти страшныя угрозы не оставались пустыми словами: виновные томились въ заводскихъ подвалахъ съ женами и дѣтьми, въ колодкахъ и цѣпяхъ, и получали жестокія наказанія.

Во владѣніяхъ этой отрасли демидовскаго рода (на Уралѣ и внутри Россіи) крестьяне отъ жестокихъ притѣсненій часто волновались; во многихъ случаяхъ правительство принимало суровыя мѣры противъ крестьянъ для усмиренія волненій; въ другихъ—оно старалось обуздать и произволъ заводчика.

Слава этихъ Демидовыхъ, какъ грозныхъ владѣльцевъ, была такъ страшна, что крестьяне покупаемыхъ ими вотчинъ ни за что не хотѣли быть ихъ крѣпостными и выдерживали даже кровопролитныя битвы съ

войсками, приводившими ихъ къ покорности, — предпочитая смерть господству надъ собою жестокихъ заводчиковъ, какъ это было напримѣръ при покупкѣ Никитою Никитичемъ у князя Репнина имѣнія въ обоянскомъ уѣздѣ (1751 г.), въ калужской губерніи и въ селѣ Русановѣ тульской губерніи.

Теперь мы должны сказать нѣсколько словъ о лицѣ, съ именемъ котораго связано возбужденіе вопроса о „пришлыхъ людяхъ“ Демидова и борьба съ которымъ дорого обошлась даже такому всесильному и несокрушимому человѣку, какимъ былъ Акинфій. Въ этой борьбѣ лучше всего обнаруживаются свойства характера энергичнаго основателя колоссальнаго богатства Демидовыхъ.

Въ 1720 г. на уральскіе казенные заводы былъ назначенъ начальникомъ извѣстный историкъ и вмѣстѣ знатокъ горнаго дѣла Василій Никитичъ Татищевъ. Онъ былъ по тому времени очень образованный человѣкъ, притомъ съ большою предпріимчивостью и сильнымъ характеромъ. Не всегда безупречный по части безкорыстія, — что было, кажется, общимъ достояніемъ всѣхъ властныхъ людей того времени,—Татищевъ, въ дѣлѣ спора съ Демидовымъ, отчасти, можетъ быть, и побуждаемый завистью къ необычайно возвысившемуся и разбогатѣвшему кузнецу,—все-таки старался стоять на стражѣ государственныхъ интересовъ и если не успѣлъ насолить Акинфію, то только потому, что тотъ былъ силенъ личнымъ довѣріемъ государя. Татищевъ, однимъ словомъ, принадлежалъ къ породѣ людей, которымъ опасно было класть „палецъ въ ротъ“. Столкновеніе такихъ двухъ противниковъ, какъ Татищевъ и Акинфій, не могло повести къ добру.

Властолюбивый и энергичный Татищевъ встрѣтилъ въ Акинфіѣ не менѣе сильнаго и ловкаго соперника. Геннинъ, знавшій Акинфія лично, въ письмѣ къ Петру говорилъ о Демидовѣ такъ: „здѣсь, на Уралѣ, никто не смѣлъ ему, боясь его, слова выговорить и онъ здѣсь

поворачивалъ, какъ хотѣлъ". Съ такимъ человѣкомъ, какъ Акинфій, борьба представляла и немалую опасность: у него на заводахъ были тысячныя толпы рабочихъ, дисциплинированныхъ суровыми заводскими порядками и способныхъ по приказанію своего неограниченнаго властелина на всякое насиліе, что не разъ и случалось по отношенію ко многимъ лицамъ, которыми невьянскій державецъ былъ недоволенъ. Примѣръ другого знаменитаго заводчика Баташева, отецъ котораго былъ управляющимъ у Демидовыхъ, гдѣ, вѣроятно, и пріобрѣлъ опытность въ наживѣ и жестокость нрава, переданную дѣтямъ, показываетъ, въ какихъ необузданныхъ и свирѣпыхъ формахъ выражалось въ ту печальную эпоху своевольство заводскихъ магнатовъ.

Татищевъ, присланный для возстановленія упадавшей производительности казенныхъ заводовъ, основанныхъ до и послѣ утвержденія Демидовыхъ на Уралѣ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ начальникомъ тамошнихъ частныхъ заводовъ. Демидовы, бывшіе монополистами по заводскому дѣлу, боялись конкурренціи казенныхъ заводовъ и съ этой стороны не напрасно опасались Татищева.

Грозный Акинфій, не знавшій никакого мѣстнаго начальства, не исключая и сибирскихъ губернаторовъ, прямо гналъ съ своихъ заводовъ присланныхъ къ нему съ указами воеводъ чиновниковъ.

— У твоего воеводы одинъ указъ, а у меня въ рукахъ другой указъ—государевъ, говорилъ Акинфій и уходилъ отъ послушанія подъ однимъ впрочемъ сильнымъ предлогомъ „исполненія государева дѣла по изготовленію корабельнаго желѣза". Онъ и смотрѣть не хотѣлъ на Татищева, не измѣнилъ привычки „поворачивать по своему" и поступалъ съ Василіемъ Никитичемъ грубо и высокомѣрно.

Всѣ подвиги невьянскаго владыки трудно перечислить. Мы приведемъ только нѣкоторые случаи, изъ которыхъ будетъ видно, до какихъ размѣровъ доходило

своевольство, грубость и жестокость, а также третированіе властей со стороны заводчика. Акинфій захватывалъ открытые другими лицами рудники, безъ церемоніи сгоняя съ нихъ прежнихъ открывателей; и это онъ дѣлалъ не только съ частными людьми, но и съ представителями казны. Когда имъ былъ захваченъ мѣдный рудникъ при Чусовой, разрабатывавшійся рабочими Уктусскаго казеннаго завода, то Татищевъ послалъ своихъ подручныхъ подъячаго Гобова и фискала прапорщика Поздѣева за объясненіями, но приказчикъ Демидова грубо сказалъ посланнымъ, что „отвѣта имъ никакого не будетъ. Мы капитану (Татищеву) не послушны, указовъ его не принимаемъ и ему до насъ дѣла нѣтъ. Если нужно что,—пусть самъ ѣдетъ... А посланныхъ съ указами будемъ въ кандалахъ держать, въ тюрьмѣ, до пріѣзда хозяина". Вотъ какими рѣчами привѣтствовалъ представителей власти холопъ Демидова! Довольно странно и нелѣпо, вѣроятно, было положеніе органовъ правительства, посланныхъ для водворенія субординаціи,—при этомъ свиданіи съ приказчикомъ, который угостилъ ихъ такимъ образомъ...

Изъ другого примѣра мы увидимъ, какъ угрожали расправляться Никита и сынъ его Акинфій съ непослушными ихъ грозной волѣ чужими людьми и какъ они несомнѣнно не разъ и расправлялись не только со своими, но и съ посторонними.

Рудоискатель Иванъ Савинъ жаловался Татищеву, что онъ давно еще открылъ мѣдную руду на р. Выѣ и объявилъ объ этомъ верхотурскому воеводѣ Калитину, но тотъ не обратилъ вниманія на его объявленіе. Потомъ Савинъ донесъ о своемъ открытіи Демидову, который тоже сначала не работалъ руду, но съ пріѣздомъ Татищева сталъ разрабатывать, боясь, чтобы шустрый капитанъ не перехватилъ себѣ открытаго мѣсторожденія. Демидовъ строго приказалъ Савину молчать объ этой рудѣ и вездѣ поставилъ заставы, не пропускавшія

подозрительныхъ заводчику лицъ. Эти-же заставы не пропускали охотниковъ къ ловлѣ бобровъ, „и намъ, бѣднымъ, ясакъ нечѣмъ платить“ — жаловался Савинъ. Демидовъ запретилъ послѣднему объявлять казнѣ какія-бы то ни было руды. „Если будете объявлять руду на Уктусъ,—грозилъ заводчикъ,—то я васъ кнутомъ буду сѣчь и въ домны (печи, гдѣ выплавляется чугунъ) помечу“. Савинъ съ кусками руды только тайкомъ, глухими мѣстами, пробрался къ Татищеву. За нимъ была послана погоня и, вѣроятно, въ случаѣ поимки рудоискателя, его постигла-бы жестокая участь.

Мы должны привести еще нѣсколько случаевъ изъ подвиговъ Демидова, чтобы видѣть, на какія жестокія и смѣлыя выходки былъ способенъ привыкшій къ власти Акинфій. И если онъ могъ продѣлывать подобныя вещи съ посторонними лицами, даже со слугами царя, то легко себѣ представить весь ужасъ положенія людей, находившихся въ его безграничномъ распоряженіи.

Татищевъ послалъ купить вѣсы для Уктусскаго завода въ Невьянскій, гдѣ они дѣлались на вольную продажу. Посланный былъ выгнанъ съ завода приказчикомъ Θеклистовымъ съ бранью. Этотъ-же Θеклистовъ увезъ „воровски“ съ Точильной горы наломанный казенными людьми камень. Посланные Татищева нашли часть увезеннаго камня разбросанной по лѣсу. Вслѣдствіе этого обстоятельства печи казенныхъ заводовъ простояли долгое время безъ дѣйствія, что, очевидно, и было нужно Демидову.

Когда Татищевъ получилъ указъ бергъ-коллегіи о взиманіи съ заводчиковъ десятины съ металловъ въ казну,—онъ сейчасъ-же послалъ Демидову „указъ“ отъ себя и приказывалъ составить вѣдомость о желѣзѣ и привезти ее самому заводчику въ Уктусъ. Но, понятно, Демидовъ не поѣхалъ: онъ не хотѣлъ допустить даже мысли, что Татищевъ смѣетъ ему „указывать“. Акинфій отвѣтилъ коротко: „когда пришлется указъ отъ бергъ-коллегіи, мы тогда готовы платить“. Указъ Та-

тищева названъ „отпискою“. Этого не могло вынести ретивое чиновничье сердце Татищева, привыкшаго къ установленнымъ канцелярскимъ формамъ: онъ разразился сильною жалобою въ бергъ-коллегію, которая приказала: „Демидовымъ быть послушнымъ законнымъ требованіямъ Татищева, писать ему „доношеніями“ и особыхъ указовъ себѣ отъ коллегіи не ожидать“. Тогда Акинфій измѣнилъ свой горделивый тонъ на насмѣшливый: „просимъ *вашего величества*,—писалъ онъ Татищеву по поводу ломки камня,—о разсмотрѣніи той обиды и о позволеніи ломать камень“.

Но Татищевъ не унывалъ: онъ сыпалъ въ бергъ-коллегію грозными жалобами на Демидова. Однако, къ великому удивленію ревнителя казенныхъ интересовъ, жалобы его не доходили по назначенію, въ чемъ онъ, кажется, не безъ основанія подозрѣвалъ Акинфія, посылавшаго погоню за курьерами Татищева и отнимавшаго у нихъ, часто при жестокомъ истязаніи, бумаги, изобличавшія дѣянія заводчика.

Акинфій не позволялъ давать подводъ Татищеву и служащимъ его, подвергая жестокимъ наказаніямъ своихъ крестьянъ и приказчиковъ, если они, хотя по принужденію властей, давали лошадей на казенные заводы. Его политика заключалась въ томъ, чтобы всячески мѣшать дѣятельности ненавистныхъ ему „государевыхъ заводовъ“, въ чемъ онъ и успѣвалъ, портя припасы казны и затрудняя отправку казенныхъ каравановъ. Дошло до того, что служащихъ на царскихъ заводахъ онъ подвергалъ у себя формальному наказанію кнутомъ и билъ ихъ „смертнымъ боемъ“. Когда по этимъ поводамъ Татищевъ посылалъ къ Демидову для „розыску“ чиновниковъ, то Акинфій безъ церемоніи выпроваживалъ ихъ, говоря, что „ему-де съ капитаномъ много говорить нечего“.

Неутомимый Татищевъ опять послалъ съ вѣрнымъ человѣкомъ въ бергъ-коллегію жалобы на непокорнаго заводчика съ пріобщеніемъ копій недошедшихъ прежде

рапортовъ. Наконецъ отъ коллегіи пришло рѣшеніе и между прочимъ резолюція: „обо всѣхъ противностяхъ Акинфія Демидова составить особую выписку“.

Но, вѣроятно, пріѣздъ болѣе миролюбиваго Никиты подѣйствовалъ на Акинфія отрезвляющимъ образомъ, а можетъ быть Демидовы почуяли силу въ Татищевѣ и испугались угрозъ бергъ-коллегіи,—только отношенія враговъ съ этого времени стали мягче.

По поводу жалобъ на Демидовыхъ о бѣглыхъ людяхъ и о томъ, что они не платятъ за нихъ подушныхъ, Татищевъ достигъ назначенія ревизіи, еще въ 1717 году ландратъ Воронцовъ-Вельяминовъ насчиталъ всего у заводчиковъ до 4000 душъ (обоего пола), въ числѣ которыхъ онъ обнаружилъ много бѣглыхъ, тяглыхъ и безпаспортныхъ людей. По поводу заявленій ревизоровъ о нахожденіи у Демидова бѣглыхъ, мѣстное начальство не разъ посылало на заводы провѣрять людей, но все безуспѣшно: Акинфій, какъ и прежде, выпроваживалъ посланныхъ, отказываясь дать нужныя свѣдѣнія „за недосугомъ по великому государеву дѣлу“. Наконецъ, послѣ всевозможныхъ увертокъ и „противностей“, уже Никита, сдѣлавъ переписныя вѣдомости, уговорилъ подписать ихъ посланнаго за ними дворянина Вильянова. Затѣмъ онъ удержалъ эти вѣдомости и, спустя уже долгое время, сдалъ ихъ въ бергъ-коллегію. При этомъ нетрудно было конечно старику схоронить концы въ воду и крестьяне его всѣ оказались законнопринятыми и купленными.

Но и Демидовы, въ борьбѣ съ Татищевымъ, не дремали: имъ во что-бы то ни стало хотѣлось избавиться отъ своего сильнаго врага. У нихъ были крупные благопріятели около самого царя. Одинъ адмиралъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ и то могъ много для нихъ сдѣлать, не говоря уже о „свѣтлѣйшемъ“ Данилычѣ. Но кромѣ Апраксина и знаменитаго пирожника, сдѣлавшагося впослѣдствіи свѣтлѣйшимъ княземъ и „герцогомъ

ижорскимъ", Акинфій старался и съумѣлъ угодить императрицѣ Екатеринѣ I, бывшей когда-то скромною служанкою пастора Глюка. По крайней мѣрѣ, какъ мы уже знаемъ, эта государыня подтвердила за грознымъ, но умѣвшимъ прикидываться скромнымъ и послушнымъ, какъ ягненокъ, заводчикомъ потомственное дворянство, а Акинфій посылалъ ей цѣнные подарки и между прочимъ принесъ въ даръ 20 тысячъ пудовъ „фонтальныхъ трубъ" для Петергофа, къ несчастью затонувшихъ въ Ладожскомъ озерѣ. Впослѣдствіи мы увидимъ, что Акинфій заручился благорасположеніемъ и всемогущаго курляндскаго герцога Бирона. Какъ извѣстно, дѣянія нашихъ капиталистовъ, въ прежнее время и теперь, нуждались въ предстательствѣ „сильныхъ людей" и часто это предстательство дѣйствовало въ ущербъ законности.

Однако жалобы Демидовыхъ на Татищева были основательны во многихъ своихъ частяхъ: такъ заводчики обвиняли „капитана" въ учрежденіи „заставъ" и непропускѣ на заводы хлѣба, отчего рабочіе голодали и умирали. Тутъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, оказалась, какъ видно, справедливою поговорка: „паны дерутся—у хлопцевъ чубы летятъ". Эти жалобы, поддержанныя всемогущими благопріятелями Демидовыхъ, сдѣлали то, что Татищевъ былъ вызванъ въ Петербургъ, а на Уралъ присланъ для „горныхъ дѣлъ" и для „розыска между Демидовыми и Татищевымъ, не маня ни для кого"—извѣстный уже намъ Геннинъ.

Вѣроятно рыльце у Татищева было въ пушку и доносъ невьянскихъ хозяевъ изобличалъ его въ такихъ вещахъ, за которыя, какъ, можно судить по разсказу самого „капитана", ему грозили большія бѣды.

Геннинъ разобралъ споръ двухъ непокладистыхъ супротивниковъ, и хотя царь во многомъ уважилъ жалобы Демидовыхъ, но и Татищеву вернулъ свое благоволеніе: онъ былъ опять опредѣленъ на Уралъ, но для усовершенствованія въ горномъ дѣлѣ временно командированъ въ

Швецію. При своемъ „розыскѣ“ Геннинъ, въ бытность въ Невьянскѣ, просилъ старика Демидова письменно изложить жалобы его и сына на Татищева. Но Никита отъ этого упорно отказывался, говоря: „я-де писать не могу и какъ писать—не знаю: я—не ябедникъ.“ Послѣ разбора ссоры между уральскими Монтекки и Капулети, Геннинъ писалъ Петру, что „Демидовъ-мужикъ упрямъ, ему не очень мило, что вашего величества заводы станутъ здѣсь цвѣсть, для того чтобы онъ могъ больше желѣза запродавать, а цѣну положить—какую хотѣлъ.“ Изъ этого-же письма Геннина видно, что ему было „на государевы заводы смотрѣть сожалительно и оные весьма нынѣ въ худомъ порядкѣ“, между тѣмъ какъ демидовскіе процвѣтали.

Какъ-бы то ни было, но Демидовы отдѣлались на время отъ своего придирчиваго начальника. Акинфій съ нимъ встрѣтился послѣ и Татищевъ припомнилъ заводчику прежнія обиды; пока-же онъ потребовалъ съ него „за оболганіе“ нѣсколько тысячъ рублей, которые вѣроятно и получилъ полностью.

Въ заключеніе разсказа о столкновеніяхъ Татищева съ Акинфіемъ не можемъ не привести сохранившагося въ документахъ разговора Петра съ историкомъ,—разговора, вполнѣ характеризующаго тогдашніе взгляды на службу, какъ на „кормленіе.“ Когда Петръ, по дошедчимъ до него слухамъ о взяточничествѣ нашего историка, прямо спросилъ объ этомъ послѣдняго, то Татищевъ не запирался и на основаніи текста изъ апостольскихъ посланій доказывалъ царю, что насильно брать и вымогать—грѣхъ, а брать „въ благодарность“—законно. И Петръ, кажется, не прочь былъ согласиться съ тонкимъ діалектикомъ. Если и такіе выдающіеся люди, какъ Татищевъ, смотрѣли снисходительно на „мзду“, то о другихъ и говорить нечего: взятка была одиннадцатою заповѣдью всего тогдашняго чиновничества.

ГЛАВА IV.

Увеличеніе богатствъ и могущества Демидовыхъ.

Характеръ Никиты.—Слава его.—Смерть. — Акинфій-наслѣдникъ и хозяинъ.—Бергъ-привилегія. — Портретъ Акинфія. — Дѣятельность и энергія Акинфія. — Экспедиціи въ Сибирь. — Открытіе мѣдныхъ рудъ.—Постройка заводовъ.—Плавка мѣди. — Резиденція Акинфія.—Невьянскіе кустари.—Желѣзо и золотыя розсыпи.—«Историкъ» — усмиритель башкирскихъ бунтовъ. — Ауто-да-фе.—Акинфію плохо.—Придирки фискаловъ.—Прижимки Татищева.—Милость Бирона.—Кабаки.—Акинфій въ силѣ.

Жизнь Никиты Демидова во многомъ круто измѣнилась съ его возвышеніемъ, и несомнѣнно для скромнаго старика многое въ новой обстановкѣ было не по сердцу. Постоянная возня съ властями, встрѣчи съ вельможами, боязнь какого-нибудь подвоха со стороны „крапивнаго сѣмени“ и доноса—вся эта бурная и тревожная жизнь должна была его сильно утомлять, но все-таки онъ, выросшій въ трудѣ, не измѣнялъ своихъ привычекъ рабочаго человѣка: мы постоянно видимъ его то самолично распоряжающимся въ заводскихъ мастерскихъ, то въ постоянныхъ разъѣздахъ по своимъ уральскимъ и тульскимъ владѣніямъ, то наконецъ въ Москвѣ и новой столицѣ по „государеву дѣлу“. Его суровый и жесткій характеръ тоже мало измѣнился: поблажекъ онъ не допускалъ, пьяныхъ не терпѣлъ и подвергалъ ихъ тяжелымъ наказаніямъ,—за всѣ проступки виновные имѣли въ немъ строгаго судью. Насколько извѣстно, по сохранившимся даннымъ, его семейныя отношенія имѣли тотъ же суровый оттѣнокъ и только къ сыну своему Акинфію, видя въ немъ вѣроятно крупную силу, старикъ питалъ болѣе нѣжное чувство, смѣшанное съ уваженіемъ. Но, къ чести Никиты, нужно сказать, что возвышеніе не

вскружило ему головы, онъ не чванился своимъ дворянствомъ (которое, кстати сказать, на силу согласился принять) и богатствомъ и былъ врагомъ роскоши, въ чемъ на него далеко не походили его потомки.

Старикъ Демидовъ былъ на верху славы и богатства. Ему, когда-то обходившемуся алтынами, принадлежали несмѣтные капиталы; онъ былъ давно уже потомственнымъ дворяниномъ „по Нижнему-Новгороду". Самъ царь удостоивалъ его собственноручными „цыдулями". Одно изъ послѣднихъ писемъ къ Никитѣ отъ царя, съ приложеніемъ портрета, было изъ Кизляра въ 1722 г. „Демидычъ!—писалъ ему Петръ, — я заѣхалъ зѣло въ горячую сторону: велитъ-ли Богъ свидѣться? Для чего посылаю тебѣ мою персону. Лей больше пушекъ и снарядовъ и отыскивай, по обѣщанію, серебряную руду".

Петръ помнилъ о старомъ кузнецѣ и думалъ даже одно время поставить ему, въ ознаменованіе его заслугъ, въ Петербургѣ, на „публичномъ мѣстѣ", мѣдную статую.

— Хорошо-бы, государь, тебѣ имѣть сотню такихъ слугъ, какъ Никита, сказалъ какъ-то адмиралъ Апраксинъ Петру.

— Хорошо-бы и пять или шесть такихъ, какъ Демидычъ, отвѣтилъ государь.

Но жизненный путь „Демидыча" приближался уже къ концу. Много поработали мозолистыя руки кузнеца,—пора ему было на покой! Постоянныя заботы, труды и переѣзды съ далекаго Урала въ любимую Тулу сломили его желѣзное здоровье и 17-го ноября 1725 года,—въ одинъ годъ съ своимъ щедрымъ благодѣтелемъ Петромъ,—онъ „преставился въ вѣчное блаженство", какъ гласитъ надпись на скромной плитѣ надъ его могилою въ Тулѣ. Все оставленное Никитою богатство,—за исключеніемъ выдѣленнаго при жизни старика и части движимаго имущества, послѣ его смерти доставшейся двумъ младшимъ сыновьямъ,—перешло къ старшему сыну Акинфію.

Какъ извѣстно, Петръ ввелъ на Руси въ числѣ прочихъ новинокъ и сложившееся вѣками въ Европѣ при феодальныхъ порядкахъ учрежденіе маіоратовъ, причемъ Акинфій, сынъ тульскаго крестьянина, подобно рыцарямъ, потомкамъ феодаловъ, получилъ, въ силу новаго закона, львиную долю наслѣдства. И всю свою жизнь онъ употребилъ на расширеніе оставленнаго ему дѣла и на увеличеніе своихъ богатствъ.

Акинфій, оставшійся послѣ смерти отца полновластнымъ господиномъ на Уралѣ и тульскихъ заводахъ, былъ уже не молодъ, но энергія его не ослабѣвала: наоборотъ, въ эту пору она ознаменовалась еще большими результатами. Доходу онъ получалъ ежегодно болѣе 200 тысячъ тогдашнихъ рублей, что для начала XVIII столѣтія представляло громадную сумму. Примѣръ Акинфія вызвалъ подражанія и многіе стали заниматься заброшеннымъ до того горнымъ дѣломъ, а вышедшая еще въ 1719 году бергъ-привилегія, дававшая большія льготы заводчикамъ, способствовала прочному установленію этого дѣла на Уралѣ. Появились другіе богачи-заводчики, тоже извѣстные въ лѣтописяхъ горнаго промысла, какъ Походяшинъ, Баташевъ, Осокины и др. Заводчиковъ избавляли отъ обязательной службы, давали имъ льготы отъ податей и къ заводамъ приписывали крестьянъ. Кромѣ того заводчики сами покупали „живую силу“, благодаря чему, ко дню освобожденія отъ крѣпостной зависимости, образовались уже сотни тысячъ душъ заводскихъ крѣпостныхъ. Вообще, бергъ-привилегія, давая льготы занимающимся горнымъ дѣломъ, объявивъ свободу поисковъ рудъ и грозя наказаніями всѣмъ, препятствующимъ его развитію, сослужила хорошую службу этой отрасли государственнаго хозяйства. Народъ прослышалъ про эти льготы и скоро образовались цѣлыя толпы „рудоискателей“, прельщенныхъ возможностью наживы и полученія царской награды за находку руды. Дѣло наконецъ дошло до того, что

приговоренные къ каторгѣ и даже къ смертной казни, думая избавиться отъ наказанія или по крайней мѣрѣ отдалить его, объявляли о рудѣ: власти обязаны были вѣрить имъ и производить дознаніе по ихъ указаніямъ. Многія изъ этихъ указаній оказывались конечно ложными и сенатъ вынужденъ былъ издать законъ, который запрещалъ вѣрить „такимъ ворамъ“.

Акинфій крѣпко сидѣлъ въ своемъ невьянскомъ замкѣ съ историческою башнею и наводилъ страхъ на окружающихъ своими грозными поступками. Въ горномъ институтѣ въ Петербургѣ имѣется портретъ невьянскаго властелина, похожій на приложенный здѣсь. Неуклюжая фигура бывшаго кузнеца, впослѣдствіи „дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера“, облечена во французскій кафтанъ моднаго покроя; голову его покрываетъ пышный парикъ. Грозно насупленныя брови и сжатый ротъ изобличаютъ суровый характеръ и недюжинную волю. Выраженіе лица говоритъ о привычкѣ повелѣвать. Отъ всей мощной особы Акинфія вѣетъ силою, и когда знаешь о томъ, что происходило въ далекую пору на его уральскихъ заводахъ, то съ трудомъ отдѣлываешься отъ впечатлѣнія какой-то особой жестокости и безсердечія въ его взглядѣ. Это былъ несомнѣнно человѣкъ „крови и желѣза“.

Акинфій впрочемъ съѣздилъ разъ и за-границу. Въ Саксоніи, во Фрейбергѣ, имъ пріобрѣтенъ кабинетъ минеральныхъ рѣдкостей, пріумноженный впослѣдствіи рѣдкими сибирскими минералами. Такимъ образомъ Акинфій первый въ родѣ Демидовыхъ началъ собираніе коллекцій „раритетовъ“ и собранные имъ минералы были принесены его наслѣдниками въ даръ московскому университету.

Но, съѣздивъ къ „нѣмцамъ“, Акинфій потомъ крѣпко засѣлъ на заводахъ, покидая ихъ только въ случаѣ крайней необходимости, и отыскивалъ новыя редства къ обогащенію. Вѣроятно онъ давно уже зналъ

о существованіи по близости серебряныхъ рудъ и золота; ему все хотѣлось открыть мѣсторожденіе этихъ металловъ и давно уже его люди были за Иртышемъ, гдѣ открыли признаки древнихъ горныхъ работъ, такъ называемыя „Чудскія копи“ (принадлежавшія когда-то народу, вѣроятно, финскаго племени), съ полуразрушенными печами, рудами и плавиленными соками. Наконецъ въ 1725 году близъ озера Колывани были открыты богатыя мѣдныя руды, оказавшіяся впослѣдствіи содержащими серебро. Открытіе это случилось въ воскресенье, почему всѣ горные промыслы въ этой мѣстности названы впослѣдствіи Колывано-Воскресенскими. Вскорѣ, съ разрѣшенія бергъ-коллегіи, Демидовъ построилъ въ новыхъ мѣстахъ заводъ при рѣчкѣ Локтевкѣ и получавшаяся тамъ „черная“ мѣдь доставлялась въ Невьянскъ для очистки. Впослѣдствіи имъ были устроены въ той-же мѣстности заводы Барнаульскій, Шульбинскій и другіе. Вообще за 20 лѣтъ своей дѣятельности послѣ отца Акинфій открылъ множество мѣсторожденій со свинцовыми, серебряными и мѣдными рудами. Изъ мѣди онъ дѣлалъ посуду и продавалъ ее на мѣстахъ обработки или неочищенный металлъ отправлялъ по рѣкамъ Иртышу и Тоболу въ Невьянскъ, гдѣ уже мѣдь окончательно очищалась и поступала на рынокъ въ видѣ издѣлій.

Въ 1727 году самою казною былъ построенъ во вновь открытомъ Акинфіемъ для горной промышленности районѣ Колыванскій заводъ, нынѣ извѣстная гранильная фабрика, принадлежащая Кабинету, великолѣпныя издѣлія которой (громадныя вазы, камины и пр.) изъ яшмы и порфировъ пріобрѣли заслуженную всемірную извѣстность.

Невьянскій заводъ,—главная резиденція Акинфія,—на которомъ еще при жизни тульскаго кузнеца было 3,000 рабочихъ,—теперь одно изъ многолюднѣйшихъ поселеній на Уралѣ: въ немъ болѣе 15,000 жителей. Говоря о селеніи Невьянскаго завода, мы должны ска-

зать, что какъ въ немъ, такъ и въ Нижне-Тагильскомъ (до 40 т. жителей) развились въ обширныхъ размѣрахъ кустарныя работы изъ металловъ, начало которымъ положили конечно демидовскія мастерскія. Сундуки, окованные желѣзомъ, лакированные, расписанные рисунками подносы, шкатулки и прочія издѣлія, работающіяся кустарями этихъ мѣстностей, извѣстны всей Россіи и сбываются въ громадныхъ количествахъ на Нижегородской и Ирбитской ярмаркахъ. Здѣсь блюдется секретъ приготовленія особаго лака, которымъ покрываются многія желѣзныя издѣлія, причемъ получаются красивые узоры, какъ на замерзшемъ стеклѣ. Окованныя или покрытыя этимъ „мороженымъ желѣзомъ“ издѣлія имѣютъ очень красивый видъ, что и обезпечиваетъ ихъ продажу. Съ этими старинными русскими промыслами, частью занесенными на Уралъ раскольничьими выходцами изъ коренной Россіи, неразрывно связана и живопись, такъ какъ многія издѣлія разрисовываются: иконы работы невьянскихъ живописцевъ извѣстны всему раскольничьему міру.

Невьянское желѣзо когда-то было знаменито и цѣнилось наравнѣ съ нижне-тагильскимъ „старымъ соболемъ“. Но теперь производительность Невьянскаго завода ничтожна, и если-бы не было въ его дачахъ большого количества золотыхъ пріисковъ и въ селеніи кустарнаго производства лакированныхъ и „мороженыхъ“ издѣлій, то многочисленнымъ обитателямъ Невьянска приходилось-бы плохо. Заговоривъ о золотыхъ пріискахъ, мы кстати должны сказать, что въ дачахъ Невьянскаго завода разсыпное золото въ первый разъ найдено было еще въ 1764 г., но на него не обратили вниманія, такъ какъ имѣли смутное представленіе о „розсыпяхъ“ и не могли ихъ работать; работали-же только коренныя мѣсторожденія, розыскивая обыкновенно „золотую жилу“.

Къ чести Демидовыхъ мы должны прибавить, что

разработка розсыпного золота въ Россіи начата впервые все-таки ихъ потомками.

Во времена грознаго заводчика посреди Невьянска стояла четыреугольная крѣпость, съ башнями по угламъ. Внутри двора, образуемаго крѣпостью, находился большой каменный домъ съ высокою башнею, о которой мы уже говорили и которая годилась-бы къ замку на Рейнѣ какого-нибудь феодальнаго барона-разбойника. На башнѣ имѣлись часы съ музыкою. Около селенія, по разсказамъ тогдашнихъ туристовъ, лѣса были на нѣсколько верстъ расчищены и образовавшіяся такимъ образомъ поляны окружены изгородью для выпаса скота. Скотъ былъ крупный, породистый и разведенъ отъ нѣсколькихъ экземпляровъ холмогорской породы, присланныхъ Никитѣ Петромъ I.

Излагая жизнь Демидова, по возможности, въ хронологическомъ порядкѣ, мы должны опять возвратиться къ Татищеву, послѣ 12-ти-лѣтняго отсутствія снова назначенному въ 1734 году главнымъ начальникомъ уральскихъ заводовъ съ обширными полномочіями. Онъ теперь нашелъ возможность сильно допекать своего стараго врага Акинфія, хотя, въ концѣ концовъ, распря съ неугомоннымъ историкомъ окончилась для заводчика вполнѣ благопріятно.

Татищевъ былъ человѣкомъ несомнѣнно рѣшительнымъ. Эту рѣшительность онъ проявилъ какъ при усмиреніи „башкирскихъ бунтовъ“, такъ и во многихъ другихъ случаяхъ: онъ сжегъ, напримѣръ, одного башкирца за то, что тотъ, принявъ православіе, снова вздумалъ молиться пророку. И конечно такихъ случаевъ было немало, но свѣдѣнія о нихъ покоятся еще мирнымъ сномъ въ нашихъ архивахъ.

Еще до второго пріѣзда Татищева на Уралъ, вслѣдствіе доносовъ на Акинфія, что имъ изготовляется оружіе для башкиръ и утаиваются металлы во избѣжаніе платежа пошлины,—въ Невьянскъ были посланы

1733 году суровые и придирчивые фискалы, которые навели на населеніе такой страхъ, что заводскіе крестьяне и приказчики разбѣгались при ихъ приближеніи. Ласковые слѣдователи грозили „учиненіемъ смертной казни“ за малѣйшіе проступки! Положеніе Акинфія въ эту пору представлялось печальнымъ: это былъ моментъ, когда могли сразу рушиться вся его сила, богатство и значеніе, добытыя цѣною рѣдкой энергіи и, можетъ быть, тяжелыхъ преступленій, а также и долгими годами заводской каторги его крѣпостныхъ. Съ 1731 года берг-коллегія, гдѣ сидѣли благопріятели Демидова, была упразднена и горныя дѣла вѣдали коммерцъ и камеръ-коллегіи. Прежніе доброжелатели или умерли, или отсутствовали, а новыми Акинфій еще не успѣлъ обзавестись. Самого его задержали безъ выѣзда въ Москвѣ, въ виду взведенныхъ на него тяжкихъ обвиненій. А между тѣмъ съ далекаго Урала получались печальныя вѣсти о хозяйничаньѣ слѣдователей. Но баронъ Шафировъ, изслѣдовавъ, по порученію императрицы Анны, все дѣло, нашелъ Акинфія невиновнымъ во взводимыхъ на него обвиненіяхъ (неизвѣстно только, какую сумму пришлось дать за эту „невиновность“) и указомъ государыни въ 1735 году задержанный заводчикъ былъ отпущенъ въ свои владѣнія. Доносчики потерпѣли жестокія наказанія.

Вотъ въ это-то время, когда Акинфій не могъ выѣхать изъ Москвы, Татищевъ взялъ построенные Демидовымъ лучшіе мѣдные заводы въ казну, бралъ у него искуснѣйшихъ мастеровъ для казенныхъ заводовъ, заставлялъ плавить мѣдь и сдавать въ казну по 4 р. за пудъ, когда она заводчику стоила по 6 р. 50 к. Немудрено, что такія распоряженія Татищева, при отсутствіи хозяина, даже въ короткое время привели въ разстройство нѣкоторые изъ заводовъ Демидова.

Но Акинфій былъ ловкій человѣкъ: грозный съ слабыми и равными себѣ, онъ умѣлъ угождать силь-

нымъ міра сего и вскорѣ снискалъ расположеніе „его высоко-герцогской свѣтлости“ любимца государыни—Бирона и, вѣроятно, благодаря его всемогуществу, всѣ доносы на Акинфія разсыпались прахомъ: въ вопросѣ о бѣглыхъ людяхъ, о пошлинѣ съ металловъ и въ спорѣ съ Татищевымъ Акинфій поставилъ на своемъ, и потомъ уже, насколько можно судить по документамъ того времени, историкъ былъ безопасенъ для сильнаго заводчика.

Благодаря ловкой политикѣ, Акинфій выпутался изъ бѣдъ. Прежде всего онъ угодилъ всесильному герцогу тѣмъ, что предоставилъ выписанному послѣднимъ для управленія всею горною частью Россіи нѣмцу Шембергу свои великолѣпныя хоромы на Васильевскомъ островѣ. Этотъ Шембергъ, по свидѣтельству Татищева, самымъ безсовѣстнымъ образомъ грабилъ казну. Затѣмъ нужно указать и на то обстоятельство, что заводчикъ ссужалъ Бирона деньгами.

Во всей этой исторіи обращаетъ невольное вниманіе слѣдующій эпизодъ: Акинфій, въ челобитныхъ о притѣсненіяхъ, „чинимыхъ“ ему, просилъ, чтобы въ его заводахъ не было кабаковъ, отъ которыхъ, по объясненію заводчика, рабочимъ приходилось плохо. Сенатъ разрѣшилъ: кабакамъ не быть, но сборъ, который до сихъ поръ отъ нихъ поступалъ въ казну, возложить на заводчика. Казалось-бы, что этотъ поступокъ заслуживалъ полнаго одобренія и его можно было-бы поставить въ образецъ многимъ нынѣшнимъ заводчикамъ, имѣющимъ лавочки и шинки при своихъ фабрикахъ для полученія большихъ барышей. Но „умыселъ иной тутъ былъ“ у хитраго Акинфія: ему просто хотѣлось избавиться отъ контроля гражданской власти, вѣдавшей кабацкое дѣло. Послѣдняго онъ достигъ, а кабаки, какъ кажется по всему, безмятежно процвѣтали въ его владѣніяхъ и приносили ему изрядный доходъ.

Ко всему этому мы должны прибавить, что въ 1738

году, когда Акинфію были окончательно дарованы всѣ вышепоказанныя милости,—ему кромѣ того было предоставлено право, въ виду опасности отъ набѣговъ сосѣднихъ башкиръ, построить на заводахъ крѣпости съ бастіонами и вооружить ихъ пушками. На каждую крѣпость для охраны давалось 60 человѣкъ солдатъ, съ содержаніемъ на счетъ завóдчика. Акинфій вошелъ въ силу: прежній тульскій кузнецъ сталъ походить на владѣтельнаго князя. У него были подданные, войско и флотъ. Ко всѣмъ своимъ регаліямъ онъ уже самовольно и, конечно, тайно присоединилъ еще и право чеканить монету въ своихъ невьянскихъ подземельяхъ, о чемъ мы сообщимъ подробнѣе въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА V.

Въ погоню за золотомъ.

Густавъ Бирономъ и вдова комиссара.—Открытіе горы Благодати.—Лакомый кусокъ.—Богатство и мощь Акинфія. — «Благородные» металлы.—Кровавая исторія золота.—Обожаніе богатства въ обществѣ.—Открытіе серебряныхъ рудъ.—Змѣиногорскій рудникъ.—Первый слитокъ.—Монетный дворъ въ Невьянскѣ.—Фальшивый монетчикъ.—Игра въ карты во дворцѣ. — Отобраніе заводовъ.—Свойства Акинфія.—Смерть грознаго заводчика.

Что Акинфій вошелъ въ довольно близкія отношенія съ герцогомъ курляндскимъ—видно между прочимъ изъ такого факта. Въ 1737 году младшій братъ герцога, Густавъ Бирономъ, проѣзжалъ черезъ Тулу. „Вдова комиссара Никиты“ просила его быть свидѣтелемъ при утвержденіи ея духовнаго завѣщанія и подала знатному тульскому гостю „меморіалъ“, на которомъ тотъ и росписался. Понятно, безъ участія въ этомъ дѣлѣ Акинфія Густавъ Бирономъ не могъ-бы и подозрѣвать о существованіи въ Тулѣ какой-то простой неграмотной женщины. А заручившись такою могучею „протекціею“, Акинфій могъ еще безнаказаннѣе хозяйничать въ своихъ уральскихъ дебряхъ.

Въ 1735 году на Уралѣ была открыта знаменитая гора Благодать, названная такъ Татищевымъ, „ибо такое подземное сокровище,—рапортовалъ въ Кабинетъ Василій Никитичъ,—на счастье ея величества, по благодати Божіей открылось“. Дѣйствительно, эта знаменитая гора представляетъ неисчерпаемое богатство великолѣпнѣйшей желѣзной руды, залегающей въ ней мощнымъ пластомъ въ десятки саженъ толщиною.

Открывшій эту гору вогуличъ Чумпинъ явился съ рудой къ горному офицеру Ярцеву и просилъ скорѣе

записать открытое мѣсторожденіе „на государя“, п. ч. эту-же руду пошелъ объявлять къ Акинфію братъ Чумпина.

Ярцевъ, въ сопровожденіи Чумпина, немедленно осмотрѣлъ гору и, убѣдившись въ ея чрезвычайномъ богатствѣ, а также „изъ особаго къ государевой казнѣ усердія“, самъ со взятою рудою поскакалъ для объявленія ея въ главную канцелярію, въ Екатеринбургъ.

Жутко было ретивому офицеру проѣзжать черезъ дачи и лѣса Невьянскаго завода, гдѣ въ это время находился Акинфій. Ярцева уже подозрѣвали, старались удержать и „выспрашивали“. Но онъ кое-какъ успѣлъ скрыться отъ Демидова и на-силу ускакалъ отъ посланной за нимъ опасной погони. Плохо пришлось-бы Ярцеву, если-бы онъ, скрываясь, не успѣлъ окольными путями доскакать до Екатеринбурга. Черезъ два часа послѣ того, какъ напуганный и измученный тяжелою дорогою Ярцевъ объявилъ о рудѣ, которую и записали „на государя“,—прискакалъ и довѣренный Демидова съ просьбою о записи горы на имя его господина; но ему было отказано.

Демидовъ уже вошелъ въ роль жаднаго и завистливаго заводчика: какъ ни были необъятны его владѣнія, ему хотѣлось захватить еще больше. Однако гора Благодать,—этотъ лакомый кусокъ,—ускользнула отъ его жадныхъ рукъ: она была оставлена за казною, хотя немного спустя и отдана, по проискамъ Бирона, за безцѣнокъ проходимцу Шембергу, а впослѣдствіи елизаветинскому вельможѣ графу Шувалову, съумѣвшему и при пользованіи „Благодатью“ надѣлать милліонныхъ долговъ. Впрочемъ сначала руда изъ этой горы была предоставлена всѣмъ промышленникамъ. Энергичный и ловкій Демидовъ съумѣлъ и тутъ отстранить опаснаго конкурента Осокина; вскорѣ сыномъ Акинфія — Никитою Акинфіевичемъ были построены по близости отъ Благодати два завода: Верхне и Нижне-салдинскіе, дѣйствующіе великолѣпно и до сихъ поръ.

Сообщимъ здѣсь кстати, до чего дешево достава-

лись Акинфію земли и разныя угодья на Уралѣ, впослѣдствіи стоившія милліоновъ: онъ напримѣръ купилъ у башкиръ Енейской волости за 120 рублей Камбарскую лѣсную дачу пространствомъ до 40 тысячъ десятинъ и за всю гору Благодать предлагалъ Татищеву, разсчитывая на свои прежнія удачи,—3,000 рублей.

Акинфій былъ обладателемъ всевозможныхъ богатствъ: у него были десятки желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ, милліоны десятинъ лѣсовъ и земель, безчисленныя угодья и десятки тысячъ душъ крестьянъ; въ его рудникахъ добывались всевозможныя руды и рѣдкіе минералы. И притомъ заводы Демидова стояли на высотѣ требованій современной техники и производили разнообразные предметы: при проѣздѣ чрезъ Невьянскій заводъ академика Гмелина (1742 г.), тамъ кромѣ изготовленія воинскихъ снарядовъ, пушекъ и ружей, очищалась мѣдь, привозившаяся съ колыванскихъ заводовъ, дѣлалось листовое желѣзо, жесть, якоря, мѣдная и желѣзная посуда и отливались колокола.

Имя Акинфія было славно и грозно; въ своихъ владѣніяхъ онъ пользовался властью, которой могли-бы позавидовать многія владѣтельныя особы. Но этого было мало для энергическаго и честолюбиваго кузнеца: онъ открылъ знаменитые алтайскіе рудники и сталъ получать изъ нихъ благородные металлы, серебро и даже золото. Эти рудники и заводы, въ которыхъ получено не менѣе 100,000 пудовъ одного серебра, теперь составляютъ собственность Кабинета Государя Императора.

Изъ-за „благородныхъ“ металловъ много было совершено „неблагородныхъ“ поступковъ и кровавыхъ преступленій. „Булатъ“ проливалъ моря крови, чтобы обладать „золотомъ“. За „золотымъ руномъ“ еще въ классической древности была снаряжена экспедиція аргонавтовъ. Фердинандъ Кортецъ и Франциск Пизарро, съ толпою смѣлой и отважной голытьбы, переплыли на „утлыхъ ладьяхъ“ неизвѣстное и безграничное море

и, чтобъ добыть нѣсколько боченковъ „презрѣннаго“ металла и стащить съ купола храма Солнца великолѣпное золотое солнце въ добрый десятокъ пудовъ вѣсомъ,—разгромили царства ацтековъ и инковъ. И это золото потомъ съ безумною расточительностью окровавленными руками разбрасывалось направо и налѣво. Да, золото пользуется еще слишкомъ властной репутаціей, чтобы съ нимъ всегда могли успѣшно конкуррировать честь, совѣсть и другія человѣческія добродѣтели. Не даромъ поетъ Мефистофель:

Этотъ идолъ золотой
Волю неба презираетъ;
Насмѣхаясь, измѣняетъ
Онъ небесъ законъ святой!

Настолько у всѣхъ велика „жажда золота“, что мы теперь только съ большимъ трудомъ можемъ представить себѣ то далекое, но свѣтлое будущее, когда человѣчество отвыкнетъ отъ безумной привычки,—какъ дитя, тянуться руками къ блестящимъ монетнымъ кружечкамъ и не будетъ считать синонимомъ счастья богатство. И не скоро, кажется, придетъ время, когда громадныя силы, употребляющіяся теперь для добыванія горсти „благородныхъ“ металловъ, будутъ тратиться на болѣе производительное и полезное дѣло.

Какъ мы сказали выше, Акинфій давно уже зналъ о существованіи по близости отъ его новыхъ владѣній „благородныхъ“ металловъ, и есть основаніе полагать, что онъ уже давно получалъ эти металлы. Какъ-бы то ни было, но знаменитые алтайскіе серебряные рудники открыты имъ: по точнымъ, оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, при плавкѣ руды на рѣчкѣ Карбалихѣ въ 1736 году служащіе Демидова получили серебро, но сочли это хитростью пробирщика, подмѣшавшаго будто-бы въ плавку, ради полученія награды, этотъ металлъ изъ „чудскихъ могилъ“, и поэтому не обратили особеннаго вниманія на этотъ случай. Но въ 1742 году Акинфіемъ былъ уже открытъ знаменитый Змѣиногорскій рудникъ, давшій не-

смѣтныя богатства: въ немъ руда встрѣчалась съ самородными драгоцѣнными металлами.

Акинфій Никитичъ не могъ уже сомнѣваться въ присутствіи серебра и золота въ рудахъ и спеціально занялся отдѣленіемъ „благородныхъ“ металловъ. Онъ выписалъ изъ за-границы мастеровъ въ Колывано-Воскресенскіе заводы и въ 1743—1744 гг. получилъ на нихъ впервые, такъ сказать, оффиціальнымъ путемъ слитокъ до 3-хъ пудовъ вѣсомъ.

Такъ какъ тогда плавка серебра составляла регалію казны и воспрещалась частнымъ лицамъ, то Акинфій могъ опасаться, что у него отнимутъ богатѣйшіе серебряные рудники. Но однако онъ, не брезгавшій никакими средствами, нашелъ возможность удерживать у себя вначалѣ открытыя богатства. Преданіе указываетъ на то, что онъ перерабатывалъ у себя серебро и чеканилъ монету. Если въ позднѣйшее время одинъ изъ Баташевыхъ былъ пайщикомъ разбойниковъ и убійцъ, „работавшихъ“ на славу въ его владѣніяхъ, то отчего-же и Акинфій не могъ быть „фальшивымъ монетчикомъ“? Чего ему было опасаться? Все ему было подвластно и трепетало его грозныхъ взглядовъ. Въ рукахъ заводчика были страшныя средства, и болтуны на-вѣки умолкали. Подземелья невьянской башни, съ массою ходовъ и закоулковъ,—какъ говорятъ,—служили невьянскому царьку монетнымъ дворомъ. По ночамъ спускался Акинфій „въ подвалъ свой тайный, къ вѣрнымъ сундукамъ“. Много страшнаго разсказываютъ объ этомъ мѣстныя преданія,—и по одному изъ нихъ,—„отребье“, работавшее въ подвалахъ, гдѣ чеканилась монета, было затоплено, во избѣжаніе доносовъ ревизору. На этой отдаленной окраинѣ тогдашней Руси, при взяточничествѣ чиновниковъ, при правѣ сильнаго,—страшна была власть помѣщика, тѣмъ болѣе если онъ обладалъ такимъ желѣзнымъ сердцемъ и могучею волею, какими былъ несомнѣнно надѣленъ Акинфій Никитичъ.

Разсказываютъ, что однажды во дворцѣ Акинфій, допущенный туда благодаря своимъ связямъ, игралъ за однимъ столомъ съ императрицей Анной Ивановной въ карты. Заводчикъ былъ неуклюжъ, не обладалъ лоскомъ придворнаго и ему жалъ плечи французскій кафтанъ; но онъ былъ страшно богатъ, а за это многое прощается. Акинфій разсчитывался по проигрышу новенькими монетами.

— Моей или твоей работы, Никитичъ? спросила партнера съ двусмысленною улыбкой императрица.

— Мы всѣ твои, матушка-государыня,—уклончиво, но ловко отвѣтилъ Демидовъ: и я твой, и все мое—твое!

Государыня и придворные разсмѣялись.

Но недолго пришлось Демидову чеканить монету и „воровски“ добывать серебро. Одинъ изъ участниковъ въ этихъ работахъ, Трегеръ, служившій у Акинфія Никитича штейгеромъ, сбѣжалъ,—и предпріимчивый монетчикъ, опасаясь доноса, поспѣшилъ сообщить императрицѣ Елисаветѣ объ открытыхъ имъ рудныхъ богатствахъ, прося ее прислать освидѣтельствовать пріиски.

Въ 1745 г. прибылъ на Колывано-Воскресенскіе заводы опытный въ горномъ дѣлѣ бригадиръ Бееръ. Плавка серебра была начата подъ его наблюденіемъ, а приказчики Демидова устранены. И въ декабрѣ того-же года Бееръ привезъ въ Петербургъ 44 пуда алтайскаго золотистаго серебра. Изъ этого серебра, какъ изъ „первоприобрѣтеннаго“, сдѣлали раку для мощей св. Александра Невскаго. Въ 1747 г. Колывано-Воскресенскіе заводы были совсѣмъ взяты въ Кабинетъ отъ Демидовыхъ и наслѣдникамъ Акинфія уплачена за нихъ крупная сумма.

Но открытіе рудниковъ благородныхъ металловъ и выплавка серебра были уже послѣдними подвигами Акинфія Никитича, получившаго „за размноженіе заводовъ“ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и его жизненный путь приближался къ закату.

Резюмируемъ-же здѣсь все то, что знаемъ объ этомъ человѣкѣ, самомъ знаменитомъ изъ Демидовыхъ. Громадное

значеніе его въ исторіи горнаго дѣла въ Россіи несомнѣнно: онъ это дѣло такъ сказать основалъ. прочною ногою поставилъ въ наиболѣе важномъ по горнымъ богатствамъ районѣ—на Уралѣ. Его заводы были хорошею школою для изученія дѣла населеніемъ и послѣдующими предпринимателями, а раньше мы уже видѣли, что они дали несомнѣнно толчекъ и кустарнымъ производствамъ, которыми теперь питаются десятки тысячъ уральскихъ жителей. Счастье и умѣнье Демидова вызвало большое число подражателей, соблазнившихся его колоссальнымъ успѣхомъ, и многіе изъ этихъ подражателей въ свою очередь оказали немалс услугъ горному дѣлу. Акинфій построилъ 17 заводовъ, открылъ большое количество рудныхъ мѣсторожденій и устроилъ немало рудниковъ. Онъ первый (по крайней мѣрѣ въ значительныхъ количествахъ) началъ въ Россіи плавить мѣдь и до сихъ поръ у его потомковъ хранится мѣдный столъ сдѣланный изъ первой добытой на Уралѣ и въ Сибири мѣди. Многія изъ издѣлій его заводовъ были высокихъ качествъ. И наконецъ тому-же Акинфію мы обязаны открытіемъ богатыхъ алтайскихъ серебряныхъ рудниковъ и началомъ плавки серебра на Алтаѣ (если не онъ первый началъ его добывать вообще въ Россіи). Все это онъ могъ сдѣлать только потому, что самъ былъ когда-то кузнецомъ и зналъ въ совершенствѣ заводскую работу, а также и потому, что обладалъ громадною силою воли и рѣдкою въ тогдашней Руси предпріимчивостью. Нужно конечно не забывать и того, что судьба дала ему въ руки громадную рабочую силу въ лицѣ крѣпостныхъ и приписныхъ крестьянъ.

О предпріимчивости Акинфія секретарь саксонскаго посольства Пецольтъ между прочимъ сообщаетъ слѣдующее: заводчикъ хотѣлъ пуститься въ гигантское финансовое предпріятіе и предлагалъ казнѣ уплачивать всю подушную подать прямо отъ себя, съ тѣмъ однако,

чтобы ему уступили всѣ солеварни, даже тѣ, которыми издавна владѣлъ родъ Строгановыхъ, и чтобы продажная цѣна соли была нѣсколько возвышена. Вѣроятно этотъ откупъ податей и соли представилъ-бы новую яркую картину распорядительности Акинфія и его крутыхъ расправъ, но предложеніе заводчика, не довольствовавшагося своимъ громаднымъ богатствомъ и желавшимъ его пріумножить взятіемъ въ желѣзныя лапы всей Россіи, было отвергнуто.

Акинфій обладалъ недюжиннымъ умомъ, что видно изъ всѣхъ его распоряженій, а также изъ сохранившихся писемъ. О характерѣ его мы имѣли уже случай говорить: это былъ одинъ изъ рѣдкихъ характеровъ по своей цѣльности и жесткости. Въ груди Акинфія билось „желѣзное“ сердце: жизнь и страданія подвластныхъ Демидову и окружавшихъ людей были для него пустымъ звукомъ. Онъ былъ гордъ, властолюбивъ, не выносилъ подчиненія и притомъ, какъ сказано, обладалъ необычайною энергіей. Всѣ эти свойства Демидова обнаружились въ его распрѣ съ сильнымъ противникомъ—Татищевымъ. Почти передъ своею смертью Акинфій взялъ окончательно верхъ надъ знаменитымъ историкомъ и усмирителемъ башкирскихъ возстаній: Елисавета именнымъ указомъ строго воспретила „чинить обиды“ Демидову, изъяла его изъ вѣдѣнія Татищева и приказала о заводчикѣ доносить прямо себѣ, „ибо Демидовъ (говорилось въ указѣ) въ собственной нашей протекціи и защищеніи содержаться имѣетъ“.

По привычкамъ Акинфій представлялъ уже переходъ отъ строгой простоты отца къ роскоши и барству елисаветинскихъ и екатерининскихъ вельможъ, которые такъ хорошо оправдываютъ извѣстное изрѣченіе Наполеона I о русскихъ: „поскоблите ихъ и найдете татарина“. Никита жилъ въ избѣ, съ кузницею во дворѣ, сынъ—въ большихъ каменныхъ палатахъ. Отецъ не бралъ въ родъ хмѣльного, сынъ задавалъ лукулловскіе пиры,

носилъ кафтанъ и парикъ, а внукъ, сынъ Акинфія (Никита), переписывался уже съ Вольтеромъ! Разумѣется, роскошь Акинфія была лишь крохами отъ его громаднаго богатства и въ очень большой степени обусловливалась дѣловыми соображеніями. Онъ, какъ и Никита, былъ пріобрѣтателемъ; „расточители“ и „прожигатели“ явились позднѣе—уже въ ихъ потомствѣ.

Менѣе мы знаемъ о семейныхъ отношеніяхъ Акинфія Никитича. Извѣстно впрочемъ, что онъ почиталъ отца и боялся его; но старикъ Демидовъ самъ былъ не такимъ человѣкомъ, чтобъ позволить сыну забыться. Что-же касается супружеской жизни Акинфія, то онъ въ этомъ отношеніи, кажется, раздѣлялъ участь многихъ могучихъ и властныхъ людей. Какъ извѣстно, многіе завоеватели и правители, наводившіе страхъ на государства и предъ которыми „народы едва дрожать лишь смѣли“, были тѣмъ не менѣе подъ башмаками у своихъ супругъ. Что-то похожее на это было и съ Акинфіемъ. Извѣстно по крайней мѣрѣ, что вторая супруга невьянскаго властелина Евфимія Ивановна, рожденная Пальцева, имѣла большое вліяніе на мужа. Она заставила его измѣнить завѣщаніе, которымъ тотъ распредѣлилъ свое богатство по ровной части между тремя сыновьями,—изъ которыхъ двое были отъ первой жены,—въ пользу единственнаго сына Никиты—отъ второй. Этотъ младшій сынъ былъ-бы единственнымъ наслѣдникомъ отца, если-бы завѣщаніе, отдававшее ему все, не было потомъ, по волѣ императрицы Елисаветы, отмѣнено и обиженные братья не возстановлены въ своихъ правахъ.

Несокрушимаго Акинфія все-таки сокрушила смерть:—

...Этотъ рыцарь съ косою—
Всѣхъ людей повергаетъ во прахъ!

Она застигла его на пути въ Тулу. На старости лѣтъ, чувствуя уже себя усталымъ отъ жизненной битвы, Акинфій захотѣлъ посмотрѣть на тѣ мѣста, гдѣ провелъ дѣтство и юность; чувство тоски по родинѣ за-

кралось и въ его желѣзное сердце. Возвращаясь на уральскіе заводы, онъ достигъ уже Камы, но, чувствуя себя нездоровымъ, присталъ близъ села Ицкое-Устье мензелинскаго уѣзда. Здѣсь 5-го августа 1745 года Акинфій скончался 67 лѣтъ. Похоронили его на родинѣ, въ Тулѣ. Не удовлетворявшійся безконечными пространствами своихъ владѣній и жаждавшій новыхъ пріобрѣтеній, грозный невьянскій властелинъ успокоился на небольшомъ клочкѣ могильной земли. Sic transit gloria mundi!

Послѣ Акинфія остались несмѣтныя богатства: десятки рудниковъ и заводовъ—изъ нихъ нѣкоторые пріобрѣли европейскую извѣстность, какъ Невьянскій и Нижнетагильскій,—громадные капиталы и 30,000 душъ крестьянъ (вмѣстѣ съ приписными), не считая домовъ и драгоцѣнностей. Нѣкоторые изъ этихъ заводовъ, правда, теперь пришли въ упадокъ, но это вовсе не отъ недостатка ихъ естественныхъ богатствъ, а отъ неумѣнья заводчиковъ, отъ недостатка энергіи и настойчивости, отъ ихъ разорительной роскоши. Теперь конечно ужь прошла пора тѣхъ жертвъ со стороны государства, при помощи которыхъ создавалось горное производство на нашей родинѣ, и недостатокъ энергіи и умѣнья трудно замѣнить постоянными попрошайничествами у правительства и высокими покровительственными тарифами.

Наше перечисленіе богатствъ, оставленныхъ Акинфіемъ, было-бы не полно, если-бы мы не прибавили, что въ дачахъ Невьянскаго, Нижнетагильскаго и др. заводовъ были впослѣдствіи открыты богатѣйшія платиновыя и золотыя розсыпи. Правда, успѣхъ Акинфія и его неизмѣримое богатство въ значительной степени построены на тѣхъ „правыхъ слезахъ“ и „обидныхъ воздыханіяхъ“, о которыхъ такъ краснорѣчиво говорила грамата Петра I, но что-же дѣлать, если изъ этого матеріала пока строится вся исторія человѣчества.

ГЛАВА VI.

Не въ отцовъ дѣти.

Демидовы-родоначальники и Демидовы-потомки. — Никита Акинфіевичъ.—Его жестокость.—Эпизодъ съ бѣглыми. — Диковинныя вещи на Уралѣ. — Переписка съ Вольтеромъ. — Путешествіе Никиты.—Жалобы крестьянскаго депутата. — «Чудаки» и «чудачества».—Прокофій Акинфіевичъ. — Его шутки. — Нелюбовь къ дворянамъ.—Исторія съ статсъ-дамой.—Пожертвованія «чудака».—Женитьба по объявленію. — Продажа заводовъ Саввѣ Яковлеву.—Долгъ Сумарокова.

Въ предшествующихъ главахъ мы говорили о Демидовыхъ - родоначальникахъ, здѣсь будемъ говорить о Демидовыхъ-потомкахъ. Что-бы мы ни думали о грѣхахъ старика Никиты и его сына Акинфія, должно однако сознаться, что въ этихъ людяхъ есть что-то, заставляющее удивляться имъ. Невьянскіе владыки, по ихъ цѣльности, ихъ, если можно такъ выразиться, стихійной мощи и неодолимой энергіи, могли-бы быть для поэтовъ-романтиковъ прекрасными героями и годятся въ шекспировскія пьесы. Имъ пришлось дѣйствовать не по торному пути, а самимъ создавать себѣ и сферу дѣйствія, и подходящіе пріемы,—они были однимъ словомъ „созидатели“.

Другое мы встрѣчаемъ у потомковъ, тоже въ свою очередь интересныхъ. Громадное богатство, доставшееся имъ безъ всякихъ трудовъ, было благодарною почвой, на которой развились всевозможныя странныя явленія, до юродства включительно. У потомковъ мы уже не встрѣчаемъ той цѣльности, какая была у предковъ: тѣ напрямикъ шли къ своей цѣли и не стѣснялись ничѣмъ. Они не смотрѣли на „правыя слезы“ и не слушали „обид-

ныхъ воздыханій.“ Въ ихъ головы не могло и сомнѣнія закрасться въ томъ, что для людей есть иные законы, кромѣ права наиболѣе сильнаго и хитраго,—да и къ этому предковъ располагала вся окружающая ихъ обстановка. Но потомкамъ пришлось жить при иныхъ вѣяніяхъ: имъ хотѣлось „и невинность соблюсти, и капиталъ пріобрѣсти“. Но на ихъ примѣрѣ мы увидимъ новое подтвержденіе евангельской истины, что богатымъ труднѣе достигнуть нравственнаго удовлетворенія, чѣмъ „верблюду пройти сквозь игольныя уши“.

Мы будемъ говорить только о такихъ потомкахъ Акинфія, которые по тѣмъ или другимъ своимъ качествамъ представляютъ интересъ какъ сами по себѣ, такъ и въ связи съ общественными явленіями того времени, когда имъ пришлось жить и дѣйствовать.

Изъ нихъ Никита Акинфіевичъ—младшій сынъ Акинфія, подобно своему дядѣ Никитѣ Никитичу, жестоко наказывавшій своихъ приказчиковъ и крестьянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ переписывавшійся съ Вольтеромъ,—походилъ на своего знаменитаго отца только развѣ жестокосердіемъ; Прокофій Акинфіевичъ, старшій сынъ Акинфія, прославился своими пожертвованіями, но еще больше чудачествомъ, доходившимъ иногда до жестокаго шутовства: онъ можетъ смѣло считаться однимъ изъ прототиповъ современныхъ замоскворѣцкихъ самодуровъ и Китъ Китычей; Павелъ Григорьевичъ, сынъ Григорія Акинфіевича, средняго изъ сыновей Акинфія и, слѣдовательно, внукъ самого Акинфія, былъ основателемъ извѣстнаго демидовскаго лицея въ Ярославлѣ и наконецъ „великолѣпные“ князья Санъ-Донато Анатолій и Павелъ способствовали популяризаціи имени Демидовыхъ въ Европѣ, а одинъ изъ нихъ (Анатолій) даже породнилъ фамилію тульскаго кузнеца съ домомъ изгнанника св. Елены, Наполеона I.

Никита Акинфіевичъ родился 8-го сентября 1724 г., во время путешествія родителей, на берегу Чусовой, гдѣ

до сихъ поръ въ память этого „знаменательнаго“ событія стоитъ каменный крестъ. Никита безотлучно находился при отцѣ и былъ его любимцемъ. Образованіе онъ получилъ конечно домашнее и считался любителемъ и знатокомъ художественныхъ предметовъ. Онъ уже не жилъ постоянно на своихъ уральскихъ заводахъ, а тяготѣлъ къ столицамъ. Видимо ему хотѣлось пробраться въ знать и украсить свою не совсѣмъ еще родовитую, новоиспеченную дворянскую грудь золотымъ шитьемъ камергера. Онъ былъ близокъ съ великимъ княземъ Петромъ Федоровичемъ (впослѣдствіи императоръ Петръ III), занимавшимъ у него деньги. За эти услуги Никитѣ была пожалована анненская лента, но съ стѣснительнымъ условіемъ—возложить ее на себя лишь послѣ кончины императрицы Елисаветы. При восшествіи на престолъ Петра III, Никита Акинфіевичъ надѣлъ эту ленту, но Екатерина II отобрала ее. Впрочемъ опала продолжалась недолго: Екатерина возвратила ему орденъ и вѣроятно за причиненную непріятность произвела опальнаго Демидова въ статскіе совѣтники.

Никита Акинфіевичъ основалъ нѣсколько заводовъ. Да ему, сыну такого извѣстнаго отца, стыдно было-бы этого не сдѣлать. Но все-таки его имя въ этомъ отношеніи не пользуется славою; зато оно пріобрѣло печальную извѣстность, какъ имя грознаго и жестокаго владѣльца заводскихъ крестьянъ. Зная его дѣйствія, какъ хозяина рабочихъ, становится обидно за то, что этотъ человѣкъ могъ быть такимъ жестокимъ къ крестьянству, изъ среды котораго онъ самъ еще такъ недавно вышелъ. Ко времени его завѣдыванія Невьянскимъ заводомъ относится слѣдующій разсказъ старожиловъ, характеризующій жестокаго самодура-заводчика.

Никита принималъ всѣхъ бродягъ на заводы, хотя это и было строго запрещено. Неугомонный Татищевъ узналъ объ этомъ и донесъ въ Петербургъ, гдѣ проживалъ заводовладѣлецъ. На доносъ взглянули серьезно и

одному изъ сенаторовъ было приказано отправиться на Уралъ произвести слѣдствіе. Началось дѣло, грозившее Демидову весьма дурною развязкою.

Пока однако началось слѣдствіе, оповѣщенный Демидовъ, узнавъ, что большинство его бѣглыхъ принадлежало подмосковнымъ владѣльцамъ, купилъ у послѣднихъ считавшихся въ бѣгахъ людей, а наиболѣе опасныхъ изъ бродягъ и не открывшихся велѣлъ невьянскому управителю держать въ кучкѣ и запрятать въ подземелье, чтобы никто изъ постороннихъ этого не видѣлъ, и если нужно,—оставить тамъ на-вѣки.

Когда ревизоръ (для котораго въ Невьянскѣ былъ построенъ наскоро великолѣпно меблированный домъ) прибылъ на заводы, то все оказалось въ порядкѣ: на людей были крѣпостные акты и ревизскія сказки, дезертировъ не было. Тревога кончилась пустяками, только запрятанные въ подземелье не вышли уже на Божій свѣтъ.

Но вѣроятно ревизоръ-сенаторъ не угодилъ чѣмъ-то заводчику. Когда они свидѣлись въ Петербургѣ и тотъ похвалилъ помѣщеніе въ Невьянскѣ, гдѣ пришлось ему жить, то Никита Акинфіевичъ велѣлъ домъ со всѣмъ, что въ немъ заключалось, сжечь. Предусмотрительный управитель исполнилъ приказаніе, но предварительно вынулъ для себя дорогую мебель и утварь.

Много диковиннаго для нашего времени дѣлалось на Уралѣ заводовладѣльцами, на которыхъ трудно было дождаться управы: свободныхъ иностранцевъ записывали въ крѣпостные; француженку, пріѣхавшую въ качествѣ веселой гостьи къ заводчику, послѣдній, разсердившись, выдралъ кнутомъ и выдалъ за-мужъ за пьяницу - рабочаго. И такихъ фактовъ насчитывается не мало!

Несмотря на свои подвиги, похожіе на дѣянія какого-нибудь африканскаго царька-деспота, Никита Акинфіевичъ переписывался съ Вольтеромъ! Интересно было-бы знать, что писалъ грозному рабовладѣльцу знаменитый

фернейскій отшельникъ и боецъ за права личности, любившій, къ несчастью, „презрѣнный“ металлъ и не гнушавшійся получать „презенты“ отъ своихъ властительныхъ и богатыхъ корреспондентовъ? Къ сожалѣнію, эта переписка не сохранилась. Зато имѣется другой любопытный документъ: это журналъ путешествія Никиты Акинфіевича за-границею, въ которомъ путешественникъ съ аккуратностью отмѣчалъ все, что было, по его мнѣнію, интереснаго „за моремъ“. Путешествовалъ онъ въ сообществѣ извѣстнаго впослѣдствіи живописца Шубина и съ большою помпою, хотя, разсыпая золото, иногда торговался изъ-за-грошей и, чтобы не платить таможенныхъ пошлинъ на возвратномъ пути, купленный бархатъ перешилъ въ платья. Кстати упомянемъ здѣсь, что Демидовы не прочь были порою по-мѣщански скаредничать и что споръ братьевъ-наслѣдниковъ о раздѣлѣ имущества послѣ Акинфія выражался въ далеко недружелюбныхъ формахъ: братья находили возможнымъ препираться даже о конторщикѣ Афанасіѣ Яковлевѣ, уступленномъ сначала одному изъ нихъ „изъ единой любви братской“.

Больную жену Никиты доктора послали „париться въ теплыхъ ключахъ, въ Спа“, а потомъ докторъ Гобіусъ въ Лейденѣ прописалъ ей, какъ сообщаетъ въ лейкинскомъ жанрѣ авторъ дневника, „пить ишачье молоко для наведенія тѣла“. Въ этомъ дневникѣ между прочимъ грозный заводчикъ очень игриво и довольно остроумно описываетъ парижскую женщину, „красота которой похожа на часовую пружину, сходящую каждыя сутки; равнымъ образомъ и прелесть ихъ заводится всякое утро и все это дѣлается притираніемъ, окропленіемъ, убѣленіемъ и промываніемъ“.

Почетный членъ академіи художествъ и вольно-экономическаго общества, любитель и собиратель всяческихъ „раритетовъ“, игривый оцѣнщикъ красоты парижской женщины возбуждалъ однако справедливое негодованіе своими дѣйствіями на заводахъ, такъ что въ комиссіи для

составленія проэкта новаго уложенія, въ засѣданіи 23-го августа 1768 г., депутатъ отъ крестьянъ верхъ-исетской провинціи Минаковъ жаловался на притѣсненія Демидова, и эти жалобы были найдены справедливыми.

Нечего и говорить, что Никита Акинфіевичъ оставилъ своему единственному сыну Николаю гораздо большее состояніе, чѣмъ получилъ самъ: одинъ Нижне-Тагильскій заводъ, съ открытыми въ его дачахъ впослѣдствіи богатыми золотыми и платиновыми розсыпями, представлялъ неоцѣнимое сокровище. Князья Санъ-Донато, владѣльцы несмѣтныхъ богатствъ, составляютъ прямое потомство Никиты Акинфіевича.

Стремясь вылѣзть въ знать,—явное уже отличіе отъ отца и дѣда,—Никита Акинфіевичъ выдалъ своихъ двухъ дочерей за представителей власти и силы, между тѣмъ какъ чудакъ братъ его Прокофій, къ которому мы переходимъ теперь, питалъ очень недружелюбное чувство къ дворянамъ и знатнымъ и часто продѣлывалъ надъ ними очень неладныя шутки.

Чудаки и чудачества были довольно распространенными явленіями на Руси. Эта разновидность, если можно такъ выразиться, психоза, представляющая вѣроятно въ числѣ другихъ психозовъ результатъ вырожденія, въ особенности процвѣтала во время крѣпостного права, когда она являлась въ самыхъ разнообразныхъ формахъ среди помѣщиковъ. Обиліе свободнаго времени, избытокъ средствъ и дарового труда, а также и то обстоятельство, что было передъ кѣмъ поломаться безнаказанно, обусловливали это явленіе, которому сродни и купеческіе самодуры, обрисованные Островскимъ въ его бытовыхъ комедіяхъ. При такихъ условіяхъ, когда объекты шутокъ не имѣютъ правъ на протестъ, самое, повидимому, безобидное ломанье очень тяжело отражается на подневольныхъ людяхъ, и мы дѣйствительно часто въ прошломъ видимъ многихъ чудаковъ, которые, будучи добряками и совершенно не желая причи-

нять страданій окружающимъ людямъ, тѣмъ не менѣе заставляли ихъ страдать. Мы уже не говоримъ здѣсь о представителяхъ „злобнаго чудачества“, этого несомнѣннаго извращенія нравственныхъ чувствъ, наиболѣе безумными представителями котораго являлись напримѣръ Неронъ, зажегшій Римъ и пѣвшій при этомъ о пожарѣ Троп, или Геліогабалъ съ его сумасшедшими выходками.

Повидимому, Прокофій Акинфіевичъ былъ изъ числа добрыхъ чудаковъ; по крайней мѣрѣ многіе факты говорятъ за это. Несомнѣнно, что его отношенія къ рабочимъ были гораздо гуманнѣе обращенія его брата Никиты. Въ письмахъ изъ Москвы къ своимъ дѣтямъ, бывшимъ на заводахъ, онъ просилъ не принуждать отказывавшихся работать крестьянъ насиліемъ къ работѣ и поручалъ переговорить съ „генераломъ“ (Вяземскимъ), посланнымъ для разбора дѣла, чтобы онъ не доводилъ крестьянъ „до разоренія“. „Правда, намъ остановки и ущербъ въ народѣ быть можетъ,—гласило въ заключеніе письмо Прокофія,—да знать за грѣхи наши Богъ такъ благоволилъ“.

Тѣмъ не менѣе отъ постоянныхъ самодурствъ и привередничанья Прокофія умерла (въ 1764 г.) первая его жена Матрена Антиповна Пастухова. Даже въ самыхъ простыхъ шуткахъ этого чудака все-таки проглядываетъ желаніе поглумиться надъ жертвою. Приглашаемъ читателя полюбоваться нѣкоторыми продѣлками Прокофія Акинфіевича.

Знакомая старуха пришла къ нему попросить 1,000 р. взаймы. Чудакъ не отказалъ ей, но съ условіемъ, чтобы просительница сама отсчитала эту сумму мѣдными деньгами и взяла ее съ собою. Нужно знать, что прежнія мѣдныя деньги были очень тяжеловѣсны и „унести“ 1,000 р. мѣди не смогъ-бы даже и Геркулесъ: ихъ можно было только „увезти“, да и то не менѣе какъ на 3-хъ ломовикахъ. Злосчастная старуха билась со счетомъ 1,000 р. до самаго вечера, а Прокофій Акинфіевичъ,

прохаживаясь по комнатѣ, какъ будто нечаянно разсыпалъ сочтенныя деньги,—и старухѣ снова приходилось ихъ пересчитывать.

— Не дать-ли тебѣ, матушка, золотомъ? сказалъ наконецъ чудакъ, сжалившись надъ своею жертвою: а то, чай, мѣдь-то неудобно нести?

— И то, родимый,—золотомъ-то сподручнѣе нести! согласилась съ хозяиномъ обрадованная старуха.

Прокофій Акинфіевичъ вызывалъ охотниковъ пролежать у него въ домѣ, не вставая съ постели, на спинѣ, круглый годъ. Когда находился желающій, его обставляли всевозможнымъ комфортомъ, но особые люди слѣдили исподтишка и день, и ночь за спортсмэномъ. Если онъ выдерживалъ испытаніе (что было крайне трудно), то получалъ нѣсколько тысячъ рублей. Но если испытуемый, обманутый отсутствіемъ наблюдателей, вставалъ съ постели,—его безпощадно сѣкли и выгоняли вонъ.

Невинныя забавы чудака постоянно потѣшали праздную публику. Онъ ѣздилъ въ колымагѣ, окрашенной ярко-оранжевою краскою, цугомъ. Цугъ состоялъ изъ двухъ маленькихъ лошадей въ корню, двухъ огромныхъ—въ серединѣ, съ форейторомъ карликомъ, и двухъ также небольшихъ лошадокъ впереди но съ форейторомъ такого высокаго роста, что длинные ноги его тащились по мостовой.

Ливрея лакеевъ вполнѣ гармонировала съ удивительною упряжью: одна половина была сшита изъ золотого галуна, другая—изъ самой грубой сермяги; одна нога лакея обута въ шелковый чулокъ и лакированный башмакъ, другая—въ онучи и лапоть. Очень также безцеремонно Демидовъ осмѣивалъ появлявшіяся моды. Когда считалось шикомъ носить очки, Прокофій Акинфіевичъ надѣлъ ихъ не только на свою прислугу, но даже на лошадей и собакъ. Вѣроятно за этимъ удивительнымъ экипажемъ бѣгали толпы зѣвакъ, что въ сущности только и нужно было его затѣйливому владѣльцу.

Очень многія шутки Прокофія были направлены про-

тивъ знатныхъ и титулованныхъ особъ, къ которымъ онъ почему-то чувствовалъ особую антипатію. Вынесъ-ли онъ какое-нибудь униженіе отъ „знатныхъ“ или просто въ немъ еще много было „мужицкой кости“, какъ въ сынѣ тульскаго крестьянина,—но только чудакъ питалъ несомнѣнную непріязнь къ дворянамъ.

Первой статсъ-дамѣ императрицы Елисаветы графинѣ Румянцевой, во время пребыванія въ Москвѣ, понадобилось 5,000 рублей. Тщетно объѣздивъ знакомыхъ, она принуждена была обратиться къ Демидову. Тотъ принялъ ее чрезвычайно сухо и сказалъ довольно, кажется, справедливыя для того времени слова:

— У меня нѣтъ денегъ для женщинъ вашего званія, потому что на васъ управы нѣтъ, если не заплатите денегъ къ сроку. Вы привыкли быть выше закона и самъ чортъ съ вами ничего не подѣлаетъ!

Графиня терпѣливо перенесла оскорбленіе и, надѣясь, что Демидовъ смягчится, возобновила просьбу. Но Прокофій Акинфіевичъ сказалъ новую дерзость, заставившую графиню вспыхнуть. Та въ слезахъ хотѣла было выйти, но Демидовъ удержалъ ее въ дверяхъ.

— Я вамъ дамъ денегъ, сказалъ онъ,—но съ условіемъ,—если вы дадите мнѣ росписку, какую я захочу.

Графиня сначала было согласилась. Но, къ ея изумленію, росписка была такого содержанія: „я, нижеподписавшаяся, обязуюсь заплатить Демидову черезъ мѣсяцъ 5,000 р., полученные много отъ него. Если-же этого не исполню, то позволяю ему объявить всѣмъ, кому онъ заблагоразсудитъ, что я—распутная женщина“. Румянцева хотя и знала, что Демидовъ „чудитъ“, но такой штуки даже отъ него не ожидала и съ негодованіемъ отказалась подписать удивительную бумагу.

— Какъ хотите! равнодушно замѣтилъ Демидовъ, а я иначе не дамъ.

Послѣ многихъ и напрасныхъ просьбъ, Румянцева, нуждаясь въ деньгахъ и разсчитывая уплатить ихъ въ

срокъ, подписала росписку. Но, увы, долга въ срокъ она уплатить не могла! И вотъ Прокофій Акинфіевичъ ѣдетъ въ дворянское собраніе, собираетъ около себя молодежь и читаетъ знаменитую росписку. Молодежь хохочетъ. Екатерина II, бывшая въ собраніи, предчувствуя новую проказу чудака, приказала разузнать, въ чемъ дѣло,—и немедленно-же велѣла Прокофію Акинфіевичу оставить залу. Злосчастный долгъ Румянцевой, по порученію императрицы, былъ на другой-же день уплаченъ Демидову.

То-же продѣлалъ Прокофій и съ княгинею Анною Александровной Голицыной. Въ такомъ-же родѣ обошелся онъ и съ братомъ извѣстнаго фаворита Екатерины II, Ѳедоромъ Григорьевичемъ Орловымъ. Мы приведемъ вкратцѣ характерныя подробности этого свиданія.

Въ первую турецкую войну была нужда въ деньгахъ, Румянцевъ настоятельно ихъ требовалъ. Императрица черезъ Орлова обратилась къ Демидову: „не можетъ-ли ссудить 4 милліона рублей?“

— Императрицѣ не дамъ,—объявилъ Демидовъ: ужъ такой у меня нравъ, что боюсь дать тому, кто меня посѣчь можетъ! а тебѣ дамъ.

И онъ предложилъ Орлову такое условіе: если тотъ не принесетъ ссуды въ срокъ, часъ въ часъ,—для чего даже предложилъ обмѣняться часами,—то Прокофій можетъ дать Орлову при пріятеляхъ три оплеухи. Орловъ согласился на это условіе только съ соизволенія императрицы, знавшей „чудачества“ Демидова. Деньги были готовы къ уплатѣ раньше условнаго времени, но чудакъ согласился принять ихъ только въ срокъ.

При проѣздѣ черезъ Москву какого-то важнаго лица, Демидовъ сдѣлалъ въ честь его обѣдъ, на который позвалъ болѣе ста человѣкъ; но „особа“ передъ самымъ обѣдомъ извѣстила хозяина, что не можетъ пріѣхать, потому что отозвана къ генералъ-губернатору. Взбѣшенный Демидовъ приказалъ втащить въ столовую свинью, посадилъ ее на почетное мѣсто и втеченіе всего обѣда

самъ служилъ ей. Свинья страшно хрюкала и рвалась, а Прокофій Акинфіевичъ подносилъ ей самыя дорогія кушанья, кланялся въ поясъ и приговаривалъ:

— Кушайте, ваше сіятельство, на здоровье, не брезгайте моимъ хлѣбомъ и солью: вѣкъ не забуду вашего одолженія!

Было-бы излишне разсказывать здѣсь про всѣ издѣвательства надъ людьми, какія Прокофій Демидовъ, будучи богатымъ человѣкомъ, позволялъ себѣ. Шутки его переходили всякую границу дозволеннаго и дѣло дошло до того, что его „пашквили“ на брата и, кажется, на лицъ близкихъ императрицѣ, были публично, подъ висѣлицею, сожжены рукою палача.

Однако чудакъ оказался первымъ крупнымъ благотворителемъ изъ рода Демидовыхъ. Онъ пожертвовалъ на московскій воспитательный домъ болѣе милліона рублей, тронутый тѣмъ, что Екатерина II учрежденіемъ этого дома „многія беззаконія и звѣрскія злодѣйства предупредила и отвратила“. Онъ-же является учредителемъ нынѣшняго петербургскаго коммерческаго училища. Всего имъ пожертвовано на дѣло общественной благотворительности не менѣе полутора милліона рублей. Разумѣется, исторія этихъ пожертвованій связана со многими комическими эпизодами: Прокофій Акинфіевичъ не могъ не отколоть „колѣнца“, если къ этому представлялись подходящія обстоятельства.

Съ интересомъ читаются письма Прокофія Акинфіевича къ его сыновьямъ, зятю и любимой дочери. Въ нихъ, сквозь юродливую форму, мелькаютъ часто остроумныя и ядовитыя замѣчанія,—немало достается и „сильнымъ міра сего“. По всему видно, что, несмотря на выказываемое порою юродство, Демидовъ былъ не глупъ и даже въ извѣстной степени образованный человѣкъ. Мы знаемъ напримѣръ, что онъ занимался ботаникою, любилъ растенія и собранная имъ коллекція рѣдкихъ лавровыхъ и др. деревьевъ цѣнилась въ громадную сумму.

Прокофій Акинфіевичъ путешествовалъ за-границею

и немало удивлялъ своими чудачествами и мотовствомъ иностранцевъ. Къ несчастью, какъ это не обидно для нашего самолюбія, нужно признаться, что и до сихъ поръ, кажется, только этотъ родъ удивленія и возбуждаютъ у чужеземцевъ наши путешествующіе и швыряющіе за-границею деньги богачи.

Прокофій, кажется, первый изъ крупныхъ Демидовыхъ отступилъ отъ привычки воспитывать около себя дѣтей. Его сыновья учились въ Гамбургѣ и, по пріѣздѣ въ Россію, сначала совсѣмъ не умѣли объясняться по-русски. Демидовъ сыновей почему-то не любилъ и обдѣлилъ ихъ наслѣдствомъ. Дочерей своихъ Прокофій Акинфіевичъ, изъ нелюбви къ дворянамъ, старался выдать за фабрикантовъ и заводчиковъ, хотя конечно и тогда было немало дворянской голытьбы, съ удовольствіемъ готовой на всякій mesalliance изъ-за капитала. И когда одна изъ дочерей чудака объявила, что выйдетъ за-мужъ только за дворянина, то Демидовъ прибилъ къ воротамъ своего дома вывѣску, что „у него есть дочь-дворянка и не желаетъ-ли кто изъ дворянъ на ней жениться?“. Случайно проходившій мимо чиновникъ Станиславскій первый прочиталъ оригинальное объявленіе, явился къ Прокофію Акинфіевичу, сдѣлалъ предложеніе и въ тотъ-же день былъ обвѣнчанъ на его вздумавшей капризничать дочери.

Прокофій Демидовъ не особенно любилъ горное дѣло. Хотя имъ основаны два или три завода, не имѣвшихъ особаго значенія, но зато онъ сравнительно за безцѣнокъ продалъ доставшіеся ему отъ отца шесть заводовъ, въ томъ числѣ и знаменитый Невьянскій, богачу того времени Саввѣ Яковлеву.

Это не мѣшало однако Прокофію Акинфіевичу вести исправно свои денежныя дѣла. Онъ отдавалъ деньги въ ссуду подъ проценты и немалое число лицъ было его должниками. Извѣстный писатель Сумароковъ задолжалъ Демидову 2,000 р. и долженъ былъ обращаться даже къ князю Потемкину за защитою отъ назойливаго кредитора, который хотѣлъ его выгнать изъ заложеннаго дома.

ГЛАВА VII.

Демидовы-европейцы.

Благотворительность Демидовыхъ.—Павелъ Григорьевичъ Демидовъ.—Его воспитаніе и путешествіе.—Переписка съ Линнеемъ.—Свѣтлый моментъ русской исторіи.—Манифестъ о министерствахъ.—Основанія лицея въ Ярославлѣ.—Сентенціи Павла Григорьевича.—Князья Санъ-Донато.—Анатолій и его отецъ.—Собираніе коллекцій.—Женитьба.—Салонъ принцессы Матильды.—Куда шли милліоны Анатолія.—Его выходки.—Смерть.—Павелъ Санъ-Донато.—Воспитаніе и университетъ.—Женитьба и смерть жены.—Служба по выборамъ.—Вторая женитьба.—Религія.—Дѣятельноссь въ «Красномъ крестѣ».—Жизнь въ Петербургѣ.—Литературная дѣятельность.—Благотворительность.—Смерть.

Демидовы извѣстны своими пожертвованіями на общественныя дѣла: они давали на это огромныя суммы не только на родинѣ, но и за границею. Благодарная Флоренція воздвигла памятникъ Николаю Демидову и выбрала его дѣтей въ почетные граждане. Итальянскій король сдѣлалъ правнука кузнеца Акинфія княземъ Санъ-Донато, а Павлу Павловичу Демидову за его благотворительность, кромѣ того-же княжескаго титула, пожалованы были ордена Маврикія и Лазаря, и онъ-же былъ кавалеромъ французскаго Почетнаго Легіона.

Если Демидовы и жертвовали милліоны на осушеніе „правыхъ слезъ“ и прекращеніе „обидныхъ воздыханій“, то они по совѣсти говоря, должны были это сдѣлать уже по самому характеру происхожденія своего богатства, многимъ обязаннаго этимъ „слезамъ и воздыханіямъ“. Съ другой стороны нельзя не припомнить при этомъ чуднаго разсказа изъ Евангелія о лептѣ бѣдной вдовицы, которую Христосъ такъ трогательно противопоставилъ большимъ жертвамъ богачей.

Мы уже говорили о пожертвованныхъ Прокофіемъ Акинфіевичемъ полутора милліонахъ. Павелъ Григорье-

вичъ, внукъ Акинфія, пожертвовалъ громадныя средства на основаніе нынѣшняго ярославскаго Демидовскаго юридическаго лицея; другой внукъ Акинфія, сынъ грознаго Никиты, Николай Никитичъ, какъ и графъ Дмитріевъ-Мамоновъ, сынъ фаворита Екатерины II, содержалъ на свой счетъ полкъ солдатъ въ эпоху отечественной войны (1812 г.). Наконецъ уже на нашихъ глазахъ князья Санъ-Донато отличались щедрою благотворительностью, основавъ между прочимъ „Демидовскій долгъ призрѣнія трудящихся“, „Николаевскую дѣтскую больницу“ и жертвуя громадныя суммы для разныхъ другихъ цѣлей.

Можетъ быть, во многихъ изъ этихъ случаевъ играло немалую роль тщеславіе, а не искреннее участіе къ тому или другому полезному дѣлу; но тѣмъ не менѣе всѣ эти пожертвованія мы обязаны отмѣтить, какъ несомнѣнную заслугу передъ государствомъ, какъ отплату ему за тѣ льготы, которыми родоначальники Демидовыхъ пользовались отъ него, а что родъ Демидовыхъ много долженъ родинѣ,— въ этомъ конечно трудно сомнѣваться.

Павелъ Григорьевичъ Демидовъ (род. 1738 г., скон. въ 1821 г.), сынъ Григорія Акинфіевича, основатель лицея въ Ярославлѣ, по сохранившимся о немъ свѣдѣніямъ, былъ человѣкъ для своего времени несомнѣнно образованный и отличался недюжинными способностями: по четвертому году онъ уже умѣлъ читать, впослѣдствіи изучилъ прекрасно иностранные языки, игралъ на фортепіано и скрипкѣ. Образованіе онъ получилъ, такъ сказать, западное, а не домашнее русское: сначала занимался въ Ревелѣ, у профессора Сигизмунди, а затѣмъ предпринялъ въ молодыхъ годахъ продолжительное путешествіе за-границу и долго учился въ Фрейбергѣ въ существующей до сихъ поръ знаменитой горной школѣ. Вѣроятно это путешествіе и долгое общеніе съ западной цивилизаціей облагородило вкусы Павла Григорьевича и внушило ему искреннія стремленія быть полезнымъ своему бѣдному и невѣжественному отечеству. Онъ пріобрѣлъ въ Европѣ

страстную привычку къ собиранію художественныхъ коллекцій; кромѣ того онъ собиралъ рѣдкія и цѣнныя рукописи и сочиненія, впослѣдствіи подаренныя московскому университету; въ числѣ этихъ рукописей была и его собственная на нѣмецкомъ языкѣ о путешествіи, съ замѣтками о прослушанныхъ за-границею лекціяхъ. Павелъ Григорьевичъ довольно серьезно занимался естественными науками. Линней, котораго онъ слушалъ въ Упсалѣ, былъ его другомъ, и они долго впослѣдствіи состояли въ живой перепискѣ. По всему видно, что Линней дорожилъ Демидовымъ не потому только, что послѣдній обладалъ милліонами: Павелъ Григорьевичъ былъ ученымъ корреспондентомъ своего знаменитаго друга и сообщилъ ему нѣсколько описаній животныхъ русской фауны, которыми впослѣдствіи Линней воспользовался въ своихъ сочиненіяхъ. Кромѣ Линнея и Бюффона основатель лицея переписывался и съ другими знаменитостями.

Вѣроятно еще въ это первое путешествіе по Европѣ,—окончившееся въ 1762 году, при осмотрѣ множества ученыхъ и учебныхъ заведеній,—въ душѣ Павла Григорьевича невольно вставало воспоминаніе о далекой родинѣ, совсѣмъ лишенной въ то время образовательныхъ средствъ и утопавшей въ предразсудкахъ и невѣжествѣ. И тогда-же у него вѣроятно возникла мысль восполнить этотъ пробѣлъ учрежденіемъ высшаго училища въ Россіи; но привести въ исполненіе эту мысль ему пришлось гораздо позже.

За обширныя научныя познанія, которыя впрочемъ въ тогдашней Россіи могли быть оцѣнены немногими людьми, Пав. Григ. получилъ чинъ „совѣтника Бергъ-Коллегіи“, а при выходѣ въ отставку—произведенъ въ ст. совѣтники. Чинъ и при богатствѣ въ тогдашнее время былъ необходимымъ ярлыкомъ на уваженіе и вниманіе въ обществѣ.

Но, видимо, „совѣтника Бергъ-Коллегіи“, привыкшаго къ западнымъ порядкамъ, тянуло въ Европу, и онъ снова въ 1772 г. направился туда и возвратился домой въ 1773 году. Съ этого времени, какъ онъ самъ го-

воритъ, вся жизнь его была посвящена „философскому уединенію, разсмотрѣнію природы и ученымъ созерцаніямъ“.

Какъ извѣстно, въ началѣ царствованія Александра I русское общество переживало свѣтлый моментъ. Европейскія знанія и идеи, доступъ къ которымъ былъ загражденъ при Павлѣ, хлынули широкою волною на Русь: молодой государь, окруженный гуманными и образованными совѣтниками, подавалъ хорошій примѣръ своимъ подданнымъ. Предпринятыя многими русскими путешествія и болѣе живое общеніе съ Европою привели въ броженіе молодое общество и забросили въ него широкіе идеалы общественныхъ реформъ...

Въ 1802 году, 8 сентября, былъ изданъ манифестъ объ учрежденіи министерствъ и въ немъ, между прочимъ, заключался призывъ къ частной иниціативѣ и пожертвованіямъ на дѣло образованія въ Россіи.

Павелъ Григорьевичъ однимъ изъ первыхъ откликнулся на горячій призывъ. Въ 1803 году основано на пожертвованныя имъ средства „Демидовское высшихъ наукъ училище“ (теперь Демидовскій юридическій лицей), уставъ котораго утвержденъ 28 января 1805 г., но впослѣдствіи нѣсколько разъ измѣнялся. Средства, отданныя Демидовымъ на дѣло образованія, были слѣдующія: 3578 душъ крестьянъ, 120 тысячъ рублей деньгами и кромѣ того 100 тысячъ рублей московскому университету и 100 тысячъ на учрежденіе кіевскаго и тобольскаго университетовъ. Сначала пожертвованные Павломъ Григорьевичемъ крестьяне платили небольшой оброкъ, но съ расширеніемъ и развитіемъ учебнаго заведенія, которому они отбывали „барщину“, этотъ оброкъ былъ возвышенъ съ 10 р. до 14 р. съ „души“.

Итакъ, крестьянскія „души“ сослужили и въ дѣлѣ развитія высшаго образованія на Руси первенствующую роль,—они были фундаментомъ при основаніи ярославскаго Демидовскаго лицея.

Павелъ Григорьевичъ принесъ въ даръ московскому

университету громадное собраніе всевозможныхъ рѣдкостей: библіотеку, кабинетъ „натуральной исторіи“, медали и монеты всѣхъ временъ и государствъ и богатый гербарій. Все это цѣнилось знатоками не менѣе 300 тысячъ рублей и занимало въ университетѣ три „демидовскія“ залы. Но, къ несчастью, многое изъ этой замѣчательной коллекціи сгорѣло въ 1812 году.

Къ исторіи пожертвованій основателя ярославскаго лицея прибавимъ, что оставленный имъ тобольскому университету капиталъ въ 50 тысячъ возросъ къ 80-мъ годамъ текущаго столѣтія до 150 тысячъ рублей и пошелъ на учрежденіе томскаго университета, въ актовой залѣ котораго поставленъ портретъ Павла Григорьевича. Оставленные объ этомъ Демидовѣ разсказы и воспоминанія, а также и его собственныя замѣтки,—рисуютъ его скромнымъ, простымъ, кроткимъ человѣкомъ и притомъ довольно скупымъ во всемъ, что̀ не касалось любимыхъ имъ предметовъ. Онъ былъ врагомъ роскоши и своимъ дворовымъ производилъ умѣренное содержаніе, „чтобъ они трудились, не предаваясь гибельной праздности“. Впрочемъ слишкомъ усердные панегиристы Павла Григорьевича раздуваютъ въ немъ эту черту скромности къ себѣ до не совсѣмъ вѣроятныхъ предѣловъ: на столъ его за послѣднее время выходило будто-бы не болѣе 6—7 рублей въ мѣсяцъ, чему трудно, кажется, повѣрить. Знаменитый жертвователь, будучи простымъ человѣкомъ, естественно не могъ не оставить потомству и нѣсколькихъ нравственныхъ сентенцій по поводу скромности. Онъ, напримѣръ, часто говаривалъ, что „всякій долженъ довольствоваться —чѣмъ его Богъ благословилъ“. Очень понятныя слова въ устахъ человѣка, имѣвшаго громаднѣйшіе доходы!

Павелъ Григорьевичъ умеръ, не оставивъ потомства, въ своемъ любимомъ селѣ Леоновѣ (подъ Москвою), гдѣ провелъ большую часть жизни. Умеръ онъ въ глубокой старости (83 л.), награжденный чинами и орденами за свои пожертвованія. Онъ пользовался уваженіемъ всѣхъ

знавшихъ его и заслужилъ признательность потомства. Попечителемъ основаннаго имъ лицея является старшій въ родѣ Демидовыхъ.

Въ Ярославлѣ Павлу Григорьевичу поставленъ памятникъ (бронзовая колонна на гранитномъ пьедесталѣ), открытый въ 1829 году.

Чтобы закончить нашъ очеркъ, намъ остается теперь бросить бѣглый взглядъ на послѣдніе портреты изъ галереи Демидовыхъ—на князей Санъ-Донато, жизнь которыхъ проходила уже на нашихъ глазахъ.

Эти Демидовы представляли полнѣйшій контрастъ съ предками. Послѣдніе были, какъ мы уже говорили выше, людьми съ опредѣленнымъ міросозерцаніемъ и упорно стремились къ своей цѣли—пріобрѣтенію богатствъ и развитію горнаго дѣла. Первые—изнывали въ тоскѣ, брались за всевозможныя дѣла, чтобы заглушить свое разочарованіе жизнью—и умерли измученными, неудовлетворенными... Предки крѣпко сидѣли на своихъ заводахъ и копили капиталы; потомки, разсѣивая свою тоску, исколесили вдоль и поперекъ Европу, бросали щедрою рукою милліоны, но наслѣдіе, оставленное имъ, было такъ громадно, что безумныя траты не разстраивали ихъ богатствъ. Предки были чистокровно русскими людьми, Санъ-Донато стали истыми европейцами, почти не говорили по-русски (Анатолій Санъ-Донато) и большую часть жизни своей провели внѣ родины. Тульскіе кузнецы Никита и Акинфій были женаты на простыхъ женщинахъ „изъ народа“,—Анатолій Санъ-Донато былъ мужемъ родной племянницы Наполеона I. И въ то время какъ предки оставили прочный слѣдъ въ исторіи, Санъ-Донато промелькнули лишь блестящими метеорами на тускломъ фонѣ русской жизни, разсыпая свое золото для утоленія угнетавшей ихъ скуки.

Анатолій Николаевичъ, первый изъ Демидовыхъ князь Санъ-Донато, былъ младшимъ сыномъ Николая Никитича Демидова, умершаго во Флоренціи, гдѣ онъ занималъ мѣсто русскаго посланника. Этотъ посланникъ—тотъ самый

Демидовъ, единственный сынъ Никиты Акинфіевича, который въ 1812 г. содержалъ цѣлый полкъ и въ юные годы отличался расточительностью и всевозможными выходками. Въ молодости надъ нимъ была учреждена опека, оберегавшая его имущества, а въ зрѣлые годы онъ и самъ перемѣнилъ прежнее поведеніе, сталъ очень бережливъ въ расходахъ и оставилъ колоссальное состояніе двумъ своимъ сыновьямъ, Анатолію и Павлу (отцу Павла Павловича Санъ-Донато). Въ лицѣ Николая Никитича потомство тульскаго кузнеца впервые соединилось съ потомствомъ именитыхъ людей Строгановыхъ, такъ какъ этотъ Демидовъ былъ женатъ на баронессѣ Еленѣ Александровнѣ Строгановой, присоединившей къ капиталу мужа и часть громадныхъ строгановскихъ богатствъ.

Николай Никитичъ былъ любителемъ искусствъ и наукъ, собиралъ коллекціи рѣдкостей и принесъ въ даръ московскому университету въ 1813 году богатое собраніе всевозможныхъ цѣнныхъ научныхъ предметовъ, вознаградивъ такимъ образомъ старѣйшій изъ русскихъ университетовъ за утраченную имъ во время пожара 1812 г. часть богатствъ, поступившихъ отъ Павла Григорьевича, основателя лицея въ Ярославлѣ *). Нужно еще прибавить, что Николай Никитичъ сохранялъ традиціи рода Демидовыхъ: онъ обращалъ большое вниманіе на горное дѣло, вводилъ въ немъ новѣйшія усовершенствованія и оставилъ дѣтямъ состояніе, вдвое большее полученнаго отъ отца. Онъ-же, кажется, первый изъ Демидовыхъ, сталъ тратить громадныя суммы на общественную благотворительность за-границею: имъ основанъ во Флоренціи домъ для призрѣнія сиротъ и престарѣлыхъ и положенъ на содержаніе ихъ особый капиталъ. Вблизи этого огромнаго зданія, на площади, называемой Демидовскою, благодарные флорентійцы поставили бѣлую мраморную ста-

*) Николай Никитичъ принесъ въ даръ горному институту рѣдкій самородокъ платины въ 11 фунтовъ.

тую благотворителя, который представленъ одѣтымъ въ римскую тогу и обнимающимъ ребенка.

Анатолій Демидовъ родился во Флоренціи въ 1812 г. и, видимо, любилъ этотъ старинный городъ Италіи, которому придали столько блеска въ свое время Медичисы,—тоже потомки торговаго человѣка. Анатолій получилъ блестящее воспитаніе, зналъ толкъ въ искусствахъ, говорилъ на всѣхъ языкахъ, кромѣ русскаго, который онъ очень плохо зналъ. Большую часть своей жизни онъ провелъ въ Европѣ, изрѣдка лишь пріѣзжая въ Россію. Извѣстны его охоты-монстры и гомерическія попойки на Уралѣ. Немалую популярность этими попойками пріобрѣлъ онъ и за-границею. На русскихъ онъ походилъ развѣ только тѣмъ, что, подобно многимъ нашимъ богачамъ, никакъ не могъ найти опредѣленнаго дѣла, безцѣльно шатался по свѣту и ухлопывалъ свои доходы. Русскій промышленный человѣкъ, какъ и рантьеръ, отличается великолѣпною способностью, чуть представится возможность,—почить на лаврахъ и не можетъ упорно и систематически работать: онъ сидитъ себѣ и отрѣзываетъ только купоны. Ротшильдъ, какъ онъ ни богатъ, все-таки работаетъ въ конторѣ и опутываетъ государства конверсіями и займами, набивая свои сундуки. Но Анатолію досталось слишкомъ громадное богатство, чтобы онъ считалъ необходимостью упорную работу и трудъ. Богатства валились сами ему въ ротъ: въ дачахъ его уральскихъ заводовъ вскорѣ были открыты неоцѣненныя платиновыя и золотыя розсыпи. Его ежегодный доходъ оцѣнивался въ 2.000.000 рублей, даже болѣе—и дѣйствительно, для человѣка безъ всякихъ общественныхъ задачъ стараться объ увеличеніи состоянія при такихъ условіяхъ—было-бы истиннымъ сумасшествіемъ. Самое конечно лучшее отдать ихъ на общественное дѣло; но куда-же было дѣвать такіе огромные доходы? Къ несчастью, по этому назначенію деньги идутъ далеко не всегда. И выбираются обыкновенно менѣе почтенные способы для расходованія капиталовъ. Люди „со вкусомъ“ и считающіе себя покровителями искусствъ

могутъ собирать художественныя и научныя рѣдкости; можно дать за какую-нибудь монету временъ царя Дарія Гистаспа или обломокъ горшка эпохи Навуходоносора тысячи рублей. Это и дѣлалъ Анатолій. Ему еще отъ отца досталось собраніе картинъ, мраморовъ, бронзы и другихъ рѣдкостей, стоившее милліоны. Вещей было такъ много, что ихъ привезли въ Петербургъ на двухъ корабляхъ, и для помѣщенія этого собранія было построено (въ 1833 г.) особое зданіе, такъ какъ все, собранное Николаемъ Демидовымъ въ Италіи, не могло умѣститься въ обыкновенномъ домѣ. Анатолій умножилъ свои сокровища новыми безчисленными пріобрѣтеніями. Въ его коллекціяхъ были и знаменитые самородки платины, единственные въ мірѣ по величинѣ (одинъ въ 24 фунта) и по чрезвычайной своей рѣдкости, стоившіе громадныхъ денегъ.

Жилъ Анатолій Николаевичъ больше въ Парижѣ и въ роскошной своей виллѣ Санъ-Донато, близъ Флоренціи. Сначала, въ молодости, онъ служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Но развѣ совмѣстима была служба съ характеромъ Анатолія и его денежными средствами? На высотѣ такого финансоваго могущества человѣкъ бываетъ очень капризенъ. Если у бароновъ есть свои „фантазіи“, то у богачей и подавно. Изнѣженному, „великолѣпному“ Анатолію невозможно было тянуть служебную лямку, связанную съ извѣстнымъ подчиненіемъ, какъ-бы оно легко ни было,— и онъ бросилъ службу. Получать чины и ордена для удовлетворенія тщеславныхъ желаній онъ могъ и другимъ способомъ; для этого богачамъ есть болѣе удобный путь: пожертвованія крупныхъ денежныхъ суммъ. И вотъ такимъ путемъ Анатолій сталъ княземъ Санъ-Донато.

Мы уже говорили объ основаніи Анатоліемъ Николаевичемъ „Демидовскаго дома призрѣнія трудящихся“, на что имъ дано 500 тысячъ рублей. Затѣмъ мы должны еще упомянуть о Николаевской дѣтской больницѣ, на которую Анатолій съ братомъ Павломъ пожертвовали 200 тысячъ. Первая въ Европѣ дѣтская больница была учреждена въ Парижѣ средствами правительства, вторая—основана въ

Петербургѣ Демидовыми. Императоръ Николай назначилъ Анатолія потомственнымъ попечителемъ больницы.

Громадное богатство доставило Анатолію входъ въ высшія сферы парижскаго общества. Капиталъ служитъ не малою притягательною силою и для „великихъ міра“: онъ растворяетъ двери даже самыхъ чопорныхъ салоновъ Сен-Жерменскаго предмѣстья. И вотъ мы видимъ въ 1841 году правнука тульскаго кузнеца мужемъ родной племянницы Наполеона I-го, графини Матильды де-Монфоръ, дочери принца Жерома-Бонапарта, бывшаго короля вестфальскаго.

Салонъ принцессы Матильды, жены Демидова, былъ въ Парижѣ сборнымъ пунктомъ всякихъ знаменитостей. Въ интересномъ дневникѣ братьевъ Гонкуровъ можно прочитать много занимательнаго о знаменитыхъ вечерахъ и обѣдахъ принцессы, которая не держалась исключительно аристократическихъ симпатій и въ салонѣ которой встрѣчались люди всевозможныхъ партій: всякое начинающее дарованіе находило у нея радушный пріемъ.

Интересно было-бы посмотрѣть на уральскаго магната, владѣльца десятковъ тысячъ „душъ“, среди этого цвѣта французской науки, среди проповѣдниковъ гуманности, равенства и идей свободы! Благодатныя нѣдра Урала и привыкшія къ работѣ руки заводскихъ крестьянъ добывали на все: и на содержаніе принцессы Матильды, и на ея обѣды съ цвѣтомъ французской интеллигенціи.

Императоръ Николай I не любилъ Демидова; государю не нравилась женитьба Анатолія на сестрѣ его политическаго противника, которому Демидовъ будто-бы помогалъ во время президентства; не по душѣ также было Николаю I и то, что Санъ-Донато проживалъ свои богатства за-границею. Въ силу этихъ обстоятельствъ Анатолій рѣдко бывалъ при русскомъ Дворѣ.

На что только не шли милліоны Демидова! Купивъ княжество Санъ-Донато, Анатолій Николаевичъ, кажется, вообразилъ себя дѣйствительно владѣтельнымъ княземъ. Говорятъ, у него была своя гвардія (2 или 3 тысячи че-

ловѣкъ), одѣтая въ особые роскошные мундиры. Отъ Флоренціи въ Санъ-Донато спеціально ходили дилижансы, чтобы смотрѣть новоиспеченнаго князя, его роскошную виллу и сады. Пріѣзжая въ Россію, Анатолій снималъ множество комнатъ въ отелѣ „Наполеонъ“, на Большой Морской. Наверху жили секретари, которыхъ у него былъ цѣлый десятокъ, а средній этажъ занималъ онъ самъ. Демидовъ писалъ такъ нечетко, что самъ не могъ разбирать своей руки, поэтому и нуждался въ секретаряхъ, которымъ диктовалъ бумаги и письма.

Анатолію Демидову очень хотѣлось пріобрѣсти расположеніе Николая I. Онъ придумалъ принести ему въ даръ „царское мѣсто“, которое предполагалъ помѣстить въ строившемся тогда Исаакіевскомъ соборѣ. Это сооруженіе изъ малахита, ляписъ-лазури, бронзы и золота было сдѣлано довольно аляповато и безвкусно. но обошлось чуть не въ сотни тысячъ. Когда доложили Николаю I объ этомъ „царскомъ мѣстѣ“, то императоръ довольно резонно сказалъ:

— Съ чего это онъ выдумалъ, что я стану въ эту клѣтку? Долго эта „клѣтка“ валялась въ разномъ хламѣ въ Таврическомъ дворцѣ, пока ее не поставили въ соборѣ Александро-Невской лавры.

При возстаніи народа во Флоренціи, для спасенія своего пріятеля великаго герцога, не имѣвшаго въ то время готовыхъ средствъ, Анатолій купилъ пароходъ, на которомъ герцогъ и уплылъ.

Въ запискахъ извѣстнаго профессора-художника Солнцева есть много интересныхъ разсказовъ о первомъ князѣ Санъ-Донато, изъ которыхъ видно, что этотъ богачъ, бросавшій милліоны, иногда былъ „прижимистымъ“ изъ за рублей и часто не сдерживалъ своихъ обѣщаній. Такъ напримѣръ, онъ вздумалъ имѣть свою біографію и поручилъ составить ее какому-то молодому человѣку за 600 р. Когда біографія была готова, Демидовъ объявилъ, что больше 300 руб. не дастъ за нее.

— Вы за столъ въ Лондонѣ заплатили 100 тысячъ,—

вспылилъ біографъ,—а мнѣ не хотите дать вами-же обѣщанныхъ 600 рублей!

Въ концѣ 40-хъ годовъ Анатолій вздумалъ украсить мощи лѣтописца Нестора (въ Кіевѣ). Задавъ великолѣпный обѣдъ, онъ сказалъ, что жертвуетъ 27,000 рублей и поручилъ Солнцеву составить смѣту. Смѣта была составлена, но богачъ забылъ уже о своемъ обѣщаніи. По его заказу написана Брюлловымъ извѣстная картина „Послѣдній день Помпеи". Самъ Демидовъ пробовалъ подвизаться и на литературномъ поприщѣ: такъ, онъ писалъ (подъ псевдонимомъ Ni-Tag) письма въ „Journal des Debats"—„Lettres sur l'Empire de Russie" и издавалъ роскошно свои сочиненія: „La Crimée" и др.

Разъ Анатолій пріѣхалъ къ нашему посланнику во Флоренціи и, не заставъ его, оставилъ свою карточку, гдѣ онъ именовался княземъ. Посланникъ потребовалъ у него доказательствъ на княжескій титулъ. Анатолій отвѣтилъ рѣзкимъ письмомъ, которое посланникъ доложилъ Николаю I. Не долюбливавшій Анатолія императоръ сказалъ:

— Ну и пусть только тамъ онъ будетъ княземъ!

Этотъ титулъ разрѣшено было носить въ Россіи только племяннику Анатолія—Павлу Павловичу, къ которому перешло и все неисчислимое богатство дяди.

Все, что только можно было испытать и получить въ жизни богатому человѣку,—все это досталось на долю Анатолія Демидова. Послѣ всевозможныхъ приключеній онъ умеръ бездѣтнымъ вдали отъ родины, въ Парижѣ, 16-го апрѣля 1870 г.

Его племяннику Павлу Павловичу судьба предназначила съ дѣтства вращаться въ избранномъ и блестящемъ кружкѣ титулованныхъ, богатыхъ и талантливыхъ представителей русскаго общества.

Онъ родился въ 1839 году въ Веймарѣ, но уже въ 1841 г., по второму году, будущему князю Санъ-Донато пришлось испытать невознаградимую потерю: въ этомъ году скончался его отецъ, егермейстеръ Двора, Павелъ Ни-

колаевичъ *), котораго онъ былъ единственнымъ сыномъ.

Матерью Павла Павловича была извѣстная въ свое время красавица Аврора Карловна, урожденная Шернваль, имѣвшая большой успѣхъ въ свѣтѣ, хорошо принятая при дворѣ и участвовавшая въ придворныхъ маскарадахъ. Изящество и простота ея туалетовъ вошли, кажется, въ поговорку, хотя мы можемъ судить, насколько была дешева эта „простота“,—по одному слѣдующему факту: у нея не шеѣ былъ обыкновенно надѣтъ только одинъ брилліантъ, на тоненькой цѣпочкѣ, но это былъ знаменитый демидовскій солитеръ, принадлежавшій когда-то французской коронѣ и купленный Павломъ Николаевичемъ Демидовымъ за милліонъ рублей ассигнаціями!

Мать страстно любила сына и сама занималась его воспитаніемъ. Правда, она не хотѣла допускать особыхъ поблажекъ, желала быть даже „строгою“, но вѣдь извѣстно, что такое—„строгость“ матери по отношенію къ единственному страстно любимому сыну.

Павелъ Павловичъ подготовился дома къ слушанію университетскаго курса и въ 1856 г. поступилъ въ студенты петербургскаго университета по юридическому факультету, гдѣ и кончилъ курсъ со степенью кандидата въ 1860 г. Въ то время въ университетѣ было двѣ партіи: либерально-демократическая и аристократическая представителемъ которой былъ молодой Демидовъ. Но онъ былъ настолько добръ, ласковъ и участливъ къ товарищамъ, что его аристократизмъ, даже въ знаменитые бурные 60-е годы прощался ему. Свои товарищескія связи по университету онъ сохранилъ и послѣ, что конечно можно отмѣтить въ немъ, какъ симпатичную черту.

Богатство, какъ какая-то волшебная сила, толкала Павла Павловича въ далекія и прекрасныя страны отъ холодной и печальной родины,—къ югу, въ чудную

*) Учредитель извѣстныхъ «демидовскихъ премій».

Италію съ ея художественными сокровищами и благодатнымъ небомъ. Онъ купилъ въ Италіи великолѣпное имѣніе Медичисовъ—Пратолино, гдѣ жилъ часто и долго.

Его біографы говорятъ, что онъ хотѣлъ узнать нищету и бѣдствія: посѣщалъ больницы, тюрьмы и притоны въ Парижѣ, Лондонѣ, Петербургѣ и Кіевѣ. Это намъ представляется въ особенности интереснымъ и романтическимъ: „великолѣпный“ Демидовъ въ притонахъ нищеты и порока! Не представляло-ли это симптома гуманной совѣсти, сознавшейся въ долгѣ своемъ передъ забитою и угнетенною нищетою? Или Санъ-Донато дѣлалъ это просто въ припадкахъ тоски, угнетавшей его частыми приступами среди невѣроятной окружающей роскоши?..

Сначала и этотъ Демидовъ служилъ: въ 1867 г. онъ женился на княжнѣ Мещерской и перевелся изъ парижскаго посольства въ вѣнское. Этотъ бракъ Санъ-Донато на дѣвушкѣ, которую онъ горячо любилъ, заставилъ его разорвать съ бурнымъ прошлымъ. Но черезъ годъ жена его скончалась. Онъ затосковалъ, бросилъ дипломатическую службу, поселился въ Каменецъ-Подольскѣ, гдѣ принялъ скромное мѣсто совѣтника губернскаго правленія; но эта служба была слишкомъ плохимъ лекарствомъ отъ его тоски и онъ ее скоро оставилъ, переселившись въ Кіевъ. Наступившая пора оживленія въ общественной жизни разбудила и въ его нервной душѣ желаніе послужить родинѣ. Наиболѣе честною и почтенною службою представлялась ему служба по выборамъ, какъ знакъ довѣрія общества къ избраннику. И вотъ мы видимъ его въ Кіевѣ почетнымъ мировымъ судьею, а потомъ и городскимъ головою. Въ 1871 году онъ женился во второй разъ (на княжнѣ Трубецкой) и устроился на постоянное житье въ Кіевѣ.

Такіе люди, какъ онъ, много пережившіе и испытавшіе даже въ молодости, нерѣдко прибѣгаютъ къ религіи, какъ къ средству забыться отъ тоски, отдавъ на волю высшаго Существа свою исковерканную жизнь, причемъ нерѣдко религія представляетъ для нихъ тихое пристанище, въ которомъ

они успокоиваются. И вотъ мы видимъ часто Павла Павловича въ кеніи ректора духовной академіи, архимандрита Филарета, бесѣдующимъ о божественныхъ предметахъ.

Избранный на второе трехлѣтіе кіевскимъ головою, Санъ-Донато однако не захотѣлъ служить и умчался опять на свою виллу, но турецкая война 1877—78 гг. вызвала его въ Россію и онъ сталъ дѣйствовать въ качествѣ чрезвычайнаго уполномоченнаго отъ общества „Краснаго Креста".

Эта война, напрягшая всѣ силы общества, заставила и князя Санъ-Донато усердно работать. Обладая громадными средствами, онъ не щадилъ ихъ, и было-бы конечно непростительнымъ эгоизмомъ жалѣть деньги тамъ, гдѣ тысячи жертвовали жизнью. Въ 1880 г. Демидовъ поселился въ Петербургѣ. Состоя въ званіи егермейстера Двора, онъ вращался въ высшемъ придворномъ кругу, а владѣя большими количествами всевозможныхъ акцій и облигацій, былъ конечно очень виднымъ лицомъ въ разныхъ банкахъ и обществахъ; но сомнительно, чтобы его „мятущаяся душа нашла въ этихъ сферахъ счастіе и успокоеніе.

Въ это-же время онъ основательно изучалъ еврейскій вопросъ и въ извѣстной брошюрѣ („Еврейскій вопросъ въ Россіи"), изданной въ 1883 году, старался на почвѣ безпристрастія рѣшить споръ о евреяхъ. Нужно еще сказать, что на средства Санъ-Донато издавалась газета „Россія", изданіе, не имѣвшее успѣха и вскорѣ прекратившееся.

Россія, Франція и Италія знаютъ его, какъ щедраго благотворителя. За все время дѣятельности Санъ-Донато—пожертвованія его измѣряются милліонами.

Павелъ Санъ-Донато умеръ въ Италіи въ 1885 году, 46-ти лѣтъ, среди той-же роскоши, какая была удѣломъ всей его жизни.

„Его мятущаяся душа,—сказалъ надъ гробомъ Павла Павловича въ своей рѣчи священникъ изъ Флоренціи,—старалась сбросить съ себя цѣпи богатства и искала правды". И только, кажется, въ смерти эта „мятущаяся" душа нашла успокоеніе: вѣроятно „оковы богатства" и „боль-

шой свѣтъ", съ его тяжелыми условіями этикета и лицемѣрія, мѣшали ему найти при жизни это успокоеніе; мѣшали найти такое дѣло, къ которому могъ-бы горячо привязаться покойный и сродниться съ нимъ.

Павелъ Санъ-Донато похороненъ на Уралѣ, среди своихъ необъятныхъ владѣній. Въ исторіи горнаго дѣла на Руси за нимъ не встрѣчается заслугъ: слишкомъ велико было оставленное предками наслѣдіе, слишкомъ богаты нѣдра тѣхъ частей Урала, гдѣ стояли его заводы, чтобы онъ еще нуждался въ увеличеніи интенсивности производства и въ примѣненіи новѣйшихъ способовъ работъ. До сихъ поръ еще неисчерпаемый источникъ богатѣйшей въ свѣтѣ руды представляетъ гора Магнитная, изъ которой берутъ матеріалы демидовскіе заводы. А богатыя золотыя и платиновыя розсыпи дачъ Нижне-Тагильскаго завода, гдѣ добывались ежегодно десятки пудовъ золота, а въ иные годы до 140 пуд. платины, надолго еще будутъ обезпечивать потомковъ Никиты и Акинфія Демидовыхъ.

Въ началѣ нашего изслѣдованія о Демидовыхъ стоятъ крупныя фигуры тульскихъ кузнецовъ—Никиты и Акинфія,—людей съ желѣзною волею, съ опредѣленнымъ складомъ мыслей, оказавшихъ большія услуги горному дѣлу въ Россіи и оставившихъ громадное богатство своимъ потомкамъ; а въ концѣ—мы видѣли Павла Санъ-Донато, человѣка съ мягкимъ сердцемъ и больною волею, которому, несмотря на богатство, пришлось испытать въ житейской сутолокѣ немало терзаній и горестныхъ ударовъ. Но если мы и мало говорили о другихъ, не менѣе важныхъ, но незамѣтныхъ герояхъ демидовской эпопеи, то присутствіе ихъ, мы думаемъ, видитъ самъ читатель: это тѣ „приписные" къ заводамъ и всякихъ другихъ категорій крестьяне, работа которыхъ создавала славу и богатство ихъ владѣльцамъ.